

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

**ЧЕРНЫЙ
БАЛАМУТ**

Том третий
ИДИ КУДА ХОЧЕШЬ

ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Черный Баламут

Генри Олди

Иди куда хочешь

«Автор»

1998

Олди Г. Л.

Иди куда хочешь / Г. Л. Олди — «Автор», 1998 — (Черный Баламут)

Великая битва завершилась. Над пепелищем старого мира встает призрак мира нового – Господь Кришна, Черный Баламут с неизменной флейтой в руках. Кто он на самом деле: мятежная аватара небожителя, существо с Богом в душе, с царем в голове и с камнем за пазухой? Чего он хочет? Те, кто знал это, – мертвы. Те, кто не знал, – мертвы тоже. А перед Индрой Громовержцем шаг за шагом раскрывается бурная жизнь Карны Подкидыша по прозвищу Секач, жизнь смертной молнии из земли в небо...

© Олди Г. Л., 1998

© Автор, 1998

Содержание

ПРОЛОГ	6
Книга первая	22
Зимний месяц Магха, 29-й день	23
Глава первая	24
Глава вторая	37
Книга вторая	48
Часть первая	49
Глава первая	49
Глава вторая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Генри Лайон Олди

Иди куда хочешь

Во сне увидел я также, о Кришна, как залитая кровью земля обволакивается внутренностями! Увидел я далее, как Царь Справедливости, взойдя на груды костей, с восторгом пожирает тобой ему поданную землю. О Баламут, при том великом жертвоприношении оружию ты будешь верховным надзирателем; обязанности жреца-исполнителя также будут принадлежать тебе! Если мы выйдем из этой гибельной битвы живыми и невредимыми, то, быть может, увидимся с тобою снова! Или же, о Кришна, нам предстоит несомненно встреча на небесах! Сдается мне, что так или иначе мы обязательно встретимся с тобой, о безупречный...

Махабхарата, Книга о Старании, шлоки 29-34, 45-46

Кому «сучок», а кому – коньячок,
К начальству на кой в паяцы?
А я все твержу им, как дурачок:
– Не надо, братцы, бояться!
И это ж бред,
Что проезда нет,
И нельзя входить без доклада,
А бояться-то надо только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Гоните его,
Не верьте ему,
Он врет, он не знает, как надо!

А. Галич

ПРОЛОГ

МАХЕНДРА,

лучшая из гор

Зр-р-р-ря...

Что?

Зря, говорю, ашока-дерево называют Беспечальным! Скрипишь тут, скрипишь, душу на щепки-лучины, а они хоть бы ухом...

Какие ж могут быть печали у дерева? – спросите вы.

Обладай ашока даром речи, я б вам ответила! Цветы красивые, скажете? Аромат? Весь год цветешь-радуешься, да? От пчел отбою нет? Шмели жужмя жужжат?! Ваша правда. А кривда – наша. Листья вечнозеленые? Вам бы так зеленеть, злыдням... Вечно. Зимой и летом одним цветом. И чтоб все вокруг от зависти лопались. Тень? Это вам, людям – тень, а мне-то с нее какой барыш?! Сырость одна. И короеды плодятся. А насчет листьев дедушка-Брахма еще натрое сказал! От порчи они, видите ли, предохраняют! От сглаза! Детишек в особенности. Вот у вас дети есть? Двое? Мальчик и девочка? Небось, тоже за листиками пришли? Нет? Ну, хвала Индре, посылающему дождь, хоть вы меня тиранить не станете! А то ведь ходят, ходят, палач на палаче – и рвут, кому не лень!

А кому лень – те вдвое-втрое рвут, про запас, чтоб лишний раз ноги не бить.

Больно ведь!

Вам бы так что-нибудь поотрывать! Волосы, к примеру. Или лучше уши. Гвалт, небось, подымете, – до самой Махендры слышать! Что? Мы и так на Махендре? На лучшей из гор?! Ох, имей мама-Махендрочка язык, уж она бы вам вдесятеро порассказала, куда там мне, ашоке... Ну да ладно. Я вот все равно кричать не могу, когда больно. А они рвут, черенки крутят, стараются, аж пыхтят от усердия...

Для милых детушек, чтоб им всем чирьев понасажало!

А поверье обо мне слышали? Нет?! Станный вы какой-то, однако: все Трехмирье назубок, а он ни сном, ни духом! Не местный? Ах, такой не местный, что и сказать страшно?! Тогда лучше я скажу... Врут, будто я зацветаю, едва меня заденет ногой девушка, которой вскоре предстоит выйти замуж. От того, мол, и цвету постоянно. Ну не бредни ли? Хорошо, хоть вы это понимаете. Потому как не девушка. И даже не похожи. А другие... Скрутишь только завязь кукишами, соберешься передохнуть (думаете, цвести – это вам сандалией мантху хлебать?! – а эти девицы уже тут как тут! Табунами! ордами! в боевых порядках! с ногами наперевес! И каждая норовит пяткой пнуть! Хоть в поверьи ясно сказано: ЗАДЕНЕТ ногой, а не приложится со всей дури девической, нецелованной! Ох, не завидую я их будущим муженькам... В общем, не мытьем, так катаньем, а быстренько зацветаешь по-новой, лишь бы отвязались.

А вы говорите – Беспечальная... Не было б печалей, так люди накачали! Жил, слыхала, в древности брахман-дурачок, на все приставания одним вопросом отвечал. Мать ему: «Умылся б ты, что ли?!» – он прищурится и вполголоса, с кошальским пришепетыванием: «А шо, надо?» Отец ему: «Доучил бы ты гимн, сынок, год уже бьемся!» – сынок потянется сладко и кинет через плечо: «А шо, надо?» Соседи ему: «Жениться тебе пора, ишь, какой оболтус вымахал!» – он соседям с ухмылочкой: «А шо, надо?»

Так и прожил всю жизнь, тихо и счастливо. А на месте его погребального костра первая в мире ашока и выросла...

Беспечальная.

...В небе медленно роилось алмазное крошево звезд. Покой и тишина рука об руку нисходили на утомленный мир, смолкли хриплые вопли павлинов и скрежет нахальных цикад, а обитатели леса сонно принюхивались в логовах к далекому рассвету.

Тихий час.

Мертвый час, тьфу-тьфу, не про нас будь...

Однако, кое-кому и здесь явно не спалось.

В двух посохах от настороженной ашоки весело трещал костер, вовсю плюясь искрами, словно в надежде зашвырнуть на небосвод десяток-другой новых звезд.

Или дотянуться в броске, достать, превзойти все костры мира – и поджечь наконец вождь-ленный бархат неба.

Увы, пока что костру-недотепе были суждены исключительно благие порывы. Зато раскидистые ветви ашоки располагались куда ближе неба; и дерево всерьез беспокоилось за их судьбу, болезненно морщась скукоженными от жара листьями.

– Хорош дрова-то кидать, Здоровяк, – недовольно проворчали от костра. – Весь лес мне спалишь.

И пламя на миг отразилось в черных глазах человека; отразилось, суматошно всплеснуло дымными рукавами – и Медовоокий Агни всем телом метнулся в сторону, убоясь собственного отражения.

Словно подернутые золой угли геенны вспыхнули разом, когда служивые киннары в сотню глоток дунут на присмиривший огонь; словно гибельный цветок Кобыльей Пасти не ко времени поднялся из океанских глубин; словно... Ф-фух, почудилось: спит преисподняя, даруя грешникам глоток передышки, и безмятежны пучины вод.

Ночь.

Молчание.

Покой и звезды.

Даже не верится, что минутой ранее адским жаром полыхнул взор жилистого старца в мочальной повязке на чреслах. Эй, обильный подвигами, ты и вправду глазаст, или ночная мара морочит?! Молчит. Не отвечает. Плотно сжаты узкие губы, будто края зажившей раны. Надежно сомкнуты запавшие веки, как у слепого от рождения. И загрубелые пальцы в узлах суставов привычно теребят распушенный кончик седой косы.

Сухой пень-кедряк с плетью серебристого мха.

К чему пню неистовство взора? – оно скорее подходит матерому тигру, в чьих владениях объявился соперник, нежели мирному отшельнику-шиваиту, каковым старик вне всякого сомнения являлся.

Ночь.

Ночью всякое бывает... даже то, чего не бывает.

– Знобит меня, тезка, – пророкотал совсем рядом глухой бас, и во тьме заворочалась угловатая глыба. – Ровно с перепою: крепишься, а оно трусит...

Чудное дело! – глыба эта при ближайшем рассмотрении также оказалась человеком. Надо сказать, человеком весьма завидного телосложения. Своди чащобного ракшаса-вожака к цирюльнику, подпили клыки, подстриги когти, корми год досыта, наряди в темно-синие одежды, расшитые желтыми колосьями и лилиями, нацепи тюрбан на лобастую голову... Что получится? Вот примерно это и получится, что сейчас во тьме ворочается. Зато взгляд великана был удивительно спокойным, лучась благодушием – хоть любуйся вприглядку, хоть на лепешку мажь, вместо масла!

Сокровище, не взгляд.

Так они и сталкивались время от времени: дикий огонь пекла и вечный покой бездны, кипень пламени и неколебимость утеса, молния и гора, взор и взгляд.

Третью ночь уже длился этот странный пролог чудовищной трагедии, один на двоих, закат Великой Бойни и заря Эры Мрака. Третью ночь сидели они у шального костра: престарелый отшельник, добровольный затворник лучшей из гор, которому довелось пережить всех своих учеников – и тот, кто рискнул прослыть на веки вечные трусом и изменником, но отказался убивать друзей с родичами.

И детский лепет ручья порой рождал тысячеголосый вскрик боли, щебет птиц без видимой причины взвизгивал посвистом дротиков, ветер пах гарью и парным мясом, отчетливо скрежеща металлом о доспехи; а совсем далеко, на грани возможного и небывалого, плакала женщина.

Одна.

Почему-то всегда одна.

Навзрыд.

Рама-с-Топором по прозвищу Палач Кшатры, сын Пламенного Джамада, сидел напротив Рамы-Здоровяка по прозвищу Сохач, брата Черного Баламута.

Парашурама Джамадагнья – напротив Баларама Халаюдхи.

«Точно, что Здоровяк, – мимоходом подумалось Беспечальному дереву. – А этот, с косой... отец – Пламенный, а сын и того пламенней! Умеют же некоторые давать правильные имена! Не то что – Беспечальная... охохонюшки, жизнь наша тяжкая, раскудрявая...»

– Странно, – помолчав, обронил Рама-с-Топором. – Знобит, говоришь? Нет, тезка, тут костром не отделаться... не тот озноб. Сдается мне, Жар из Трехмирья тянут. Как одеяло, на себя. Я-то сам аскет – такие вещи нутром чую. Мог бы и раньше заметить, между прочим. Спасибо, тезка, надоумил дурака.

– Да ладно, – засмущался могучий тезка, машинально обдирая кору со здоровенного полена. – Надоумил! Сказал, что холодно – и всех дел... Тоже мне, светопреставление! Дровец сейчас подкинем, согреемся... гауды хлебнем, там осталось, в кувшинчике...

Ашока представила себе, как, покончив с поленом, застенчивый Здоровяк перейдет к обдиранию ее ствола – и крона дерева качнулась, рождая вздох отчаяния.

– А, пожалуй, что и светопреставление, – старик кивнул, думая о своем. – Опять ты меня подловил, тезка... Зажился, что ли?

Дерево волей-неволей задумалось: к кому относились последние слова аскета – к самому старцу или к его собеседнику? И даже языки костра бросили рваться к небу и тревожно замерцали, словно прислушиваясь.

К людям в круге тепла и света?

К недосыгаемым звездам, искрам иных костров?

Или у пламени тоже свои печали, свои горести, о которых иногда хочется подумать в тишине?..

– Достал ты меня с твоими концами света, – вяло огрызнулся Здоровяк. – Третью ночь только и слышу: конец едет, конец везет, концом погоняет... Уши вянут. Не надоело?

– Надоело. Хуже горькой снухи¹. Сидеть с тобой третью ночь – и чтоб не надоело? Не бывает... А давай-ка мы от скуки проверим, тезка: конец или так, старческий бред?!

– Проверим? Как? У Брахмы спросим? Ау, опора Троицы, где ты там?!

– В Золотом Яйце, с думой на лице, – еле заметно усмехнулся аскет. – Расслабься, тезка: грех Брахму по таким пустякам беспокоить! Сами справимся. Не мочалом шиты... Ты у нас вообще, говорят, земное воплощение Великого Змея Шеша?

¹ Снуха – молочай.

– Говорят, – без особой уверенности подтвердил Здоровяк, почесывая волосатую грудь.
– А сам как думаешь?
– Да никак. Жру, мать ругалась, ровно в тыщу глоток – оттого, наверно, и решили...
– Вот мы сейчас и узнаем наверняка. Заодно и насчет конца света выясним. Про мантру распознавания слышал, небось?
– Кто ж не слышал... – обиженно протянул великан.
Неужели тезка его совсем за бестолочь держит?!
– А то, что при смене юг-эпох в мантрах плесень заводится? Киснут они, как молоко на солнцепеке – это слышал?
– Врешь ты все... – рокотнуло в ответ.
Больше всего Здоровяку казалось, что аскет сейчас попросту развлекается за счет увальня-собеседника.
– Врать не обучен. Иди-ка поближе, чтоб не через пламя, – проверять будем!
– Может, завтра? – Здоровяк с явной опаской поднялся на ноги и шагнул к аскету. – При свете? Еще шарахнет меня гнилым тапасом... да и тебя заодно!
– Не облезешь, – отрезал Рама-с-Топором. – Стой здесь. И не вертись.
Великан послушно застыл.
– Да, вот так. Именно так...

Мычание белого быка всколыхнуло тишину, заставив чернильный мрак пойти кругами. Зеленью «мертвой бирюзы» налились звездные россыпи, ливень мерцающей пылицы наискосок хлестнул по кронам деревьев, по зарослям ююбы и примолкшим кукушкам с сорокопущами, еле заметным ореолом собираясь вокруг человека у костра. Тени в испуге бросились прочь с лица старого аскета, превращая его в изрезанный морщинами лунный овал, обвал, осыпь млечной белизны; краями заново вскрытой раны разлепились губы-шрамы, рождая даже не слова, а так – шепот, шорох, шипение, запредельный стон гибельного экстаза; и черепашины веки, обросшие плесенью ресниц, на миг смежились, чтобы распахнуться вновь.

Так нетопырь распахивает кожистые крылья, взмывая над спящей землей и оглашая ночь писком.

Мнилось, рассветный туман не ко времени потек из кипящих глазниц отшельника, прозрачными струями окутывая обоих людей, соединяя их в единое зыбкое существо; молочные реки, кисельные берега, мост через чудо, древняя сказка, которой про были рассказать забыли...

Рама-с-Топором увидел.

Сквозь телесную оболочку Здоровяка резко проступили мощные изгибы змеиного тела, лоснясь иссиня-вороной чешуей, зашевелились, дрогнули ленивыми волнами, потревоженные внезапным вторжением; и бесчисленные головы Опоры Вселенной, недовольно раздув клобуки, начали с шипением поворачиваться в сторону аскета-соглядатая.

Вот только видно было плохо. Костер чадит, что ли? Так не чадит, вроде, да и не должен дым Второго мира застить явь Безначалья! И еще: мельтешит впереди раздражающе малая соринка, бередит взор нелепицей – будто второй змий поперек первого, только куцый такой змеишко, не в пример Великому Шеша, и всего о двух головах!

Дхик! Что за мара?!

Аскет расслабился и смежил веки, восстанавливая обычное зрение. А когда он вновь открыл глаза, то двухголовый змий никуда не исчез! Разве что виден стал много отчетливей, и обе его почти что человечьи головы натужно хрипели, плюясь желтой пеной.

Верное дело: поплюешься тут, попенишься, ежели волосатые ручищи Здоровяка проворно ухватили нага² за обе шеи и сдавили кузнечными клещами...

² Наги – демоны-змеи, иногда оборотни.

Гибкое тело извивалось в конвульсиях, хвост изо всех сил хлестал великана по бокам, но с равным успехом можно было пороть розгами Махендру, лучшую из гор.

Хватка земного воплощения мало чем уступала ласковым объятиям самого Вселенского Змея.

– Пус-с-сти!.. – с усилием выдавил наг из той глотки, которую сжимала левая рука мучителя. – Задуш-ш-шиш-ш-шь, с-с-су...

– И впрямь, тезка, задушишь, – философски заметил Рама-с-Топором. – Держать держи, только не дави так.

– Да я ж легонечко... – с подкупающей искренностью изумился Здоровяк, но хватку послушно ослабил; и наг провис драным канатом, клопочуще дыша в два горла.

Оба Рамы тем временем с интересом разглядывали гостя.

В свете костра мерцала серебром чешуя, отполированная до зеркального блеска, а края каждой чешуйки были с тщанием подведены сурьмой. Все тело чревоходящего щеголя равномерно покрывали какие-то чудные узлы, делаая нага похожим на ствол молодого бамбука. В верхней четверти туловище плавно раздваивалось, образуя две шеи – каждая длиной в локоть и толщиной с человеческую руку (лапы Здоровяка не в счет!). На концах шей судорожно глотала воздух пара голов-близнецов. Разве что правая – с сизым родимым пятном у виска. На скулах чешуя переходила в сероватую шелушащуюся кожу, отчего наг выглядел больным, лбы венчали костяные гребни-диадемы, топорщась короткими острыми шипами. Волос на лицах не росло вовсе, даже бровей, даже ресниц, а зрачки были чисто удавы – не гляди, дурашка, козленочком станешь, только ненадолго...

И еще трещотка-погремушка на кончике хвоста.

– Хорош! – заключил аскет, удовлетворясь осмотром. – Отдышался?

– Вроде, – просипела левая голова.

Правая отмолчалась, дыша про запас.

– Тогда отвечай, красавец: кто таков, откуда взялся, и что ты тут забыл? – без особой ласки поинтересовался аскет.

– Я потомственный наг Васятха, прапраправнук знаменитого Гухринич-нага, порученец самого Нагараджи Такшаки! – явно приходя в себя, с достоинством возвестил змий.

Впрочем, опять в одно горло.

Левое.

Перестарался Здоровяк, что ли...

– Васятха? – задумчиво повторил Рама-с-Топором; и тут же перевел имя нага с благородного на обыденный. – Хороший, значит?

– Я Хороший, я очень Хороший! – истово закивал головами порученец, опасливо косясь вверх, на Здоровяка.

Поверит ли, детинушка?!

– Лучше не бывает, – согласился аскет. – Ладно, будем считать, на первый вопрос ответил. Отвечай на остальные.

– Да я и сам не пойму, как здесь оказался! – имей Васятха-Хороший руки, он непременно бы развел ими, выражая полное недоумение. – Возвращаюсь я подземными путями нагов, спешу с докладом к Нагарадже – и тут меня ка-ак потянет вверх! Знаю ведь, что сюда не надо, что мне наискось через Питрилоку – а все равно ломлюсь сквозь землю, будто на привязи! Вылетел наружу – чувствую: задыхаюсь! Ну а дальше вы и сами все знаете...

Рама-с-Топором задумчиво подергал кончик своей многострадальной косы. Затем пнул комок развороченной земли в том месте, откуда явился наг. Довольно широкий лаз уводил в глубины земных недр, в Третий мир – обиталище нагов, душ умерших и части мятежных асуров.

Из лаза тянуло сыростью.

– Дырявим землю, людишек дырявим, а толку... – пробормотал аскет себе под нос. И, уже обращаясь к тезке, словно нага и не существовало:

– Ну что, Здоровяк, проверили?! Видал, что с мантрами творится?! А тебе все шуточки...

– Отпустили б вы меня, люди добрые! – взмолился Васятха, чувствуя, что о нем забывают. – Я наг честный, кроткий, целомудренный (последнее далось змию с трудом)! Яда не коплю, козней не строю, Закон блюду златым блюдом... И вообще из-под земли редко выбираюсь. Мне обратно надо, с докладом! Если задержусь – Повелитель меня по головам не погладит! Смиловитесь, челами бью!

– Ладно, ползи, – махнул рукой Рама-с-Топором. – Сказал бы хоть, чего тебя нелегкая носит... Стряслось что?

Здоровяк отпустил змия, и наг уже начал было хвостом вперед втягиваться в спасительный ход, уводящий в глубь земли. Услышав последний вопрос аскета, Васятха изогнулся хитрым крюком и, почтительно оборотаясь к старику, отвечал:

– Я возвращаюсь с Поля Куру известить Нагараджу, что Великая Битва завершилась...

– То есть как – завершилась?.. Здоровяк, держи змия!

В следующее мгновение обе шеи незадачливого порученца вновь оказались в живых тисках, от которых едва успели освободиться. И мощный рывок выдернул нага обратно на свежий воздух.

– А ну-ка, рассказывай! – строго приказал аскет. – Как это: битва завершилась? Чем завершилась? И вообще: какое дело нагам до людских битв?! Давай-давай, шевели языками!

– Пус-с-стите, – хрипел бедолага-порученец, дергаясь в конвульсиях. – Пус-с-стите, гады...

– Сам гад, – заметил честный Здоровяк, разжимая поочередно то одну руку, то другую. – Эй, тезка, пускать или как?

– А не сбежишь? – жалость, похоже, была чужда бывшему Палачу Кшатры.

– Не с-с-сбегху-кху-кху! – из последних сил кашлял змий, и крупные слезы градом катились по его щекам. – С-с-слово чес-с-сти!

– Ладно, отпусти его, – скомандовал аскет.

За то время, пока Васятха по второму разу приходил в себя, аскет успел отойти в сторонку и подобрать свою секиру, известную всему Трехмирию. Топор-Подарок радостно сверкнул, гоня кровавый отсвет костра по полулунному лезвию, и вздыбил холку выгравированный на стали белый бык – именное тавро Синешеего Шивы.

Ашока испуганно вздрогнула: уж не вознамерился ли аскет запастись дровишками для костра? Сейчас как рубанет наотмашь...

Пронесло, боги миловали.

Аскет остановился напротив змия, поигрывая секирой. Стоял, ждал молча. Только чуть слышно брякали колокольцы на длинном древке, да потрескивал, догорая, костер.

Где-то вдалеке заунывно выл одинокий шакал.

– Повелитель отправил меня на Поле Куру по просьбе Адского Князя, Миродержца Юга, – выдавил наконец Васятха-Хороший. – Дескать, сам Индра-Громовержец хотел посетить Курукшетру – и, представьте себе, не смог туда пробиться! Уж не знаю, почему... Да и Петле-рукий Яма волнуется: души убитых воинов к нему не являются, словно все поголовно праведники! Волнуется, а на Поле Куру выбраться не может... прямо не Локапала, а бык в загоне!

Наг перевел дух. Тезки-Рамы не торопили его, внимая каждому слову змия и терпеливо ожидая продолжения.

– Тогда, весьма удивленный и раздосадованный, Адский Князь отправил на Поле Куру посыльного киннара. Очень скоро (гораздо быстрее, чем рассчитывал Князь), киннар вернулся обратно – с отрубленной головой под мышкой! Понятно, Яма немедленно дал ему новое вопло-

щение, и киннар поведал: дескать, едва он выбрался во Второй мир, как первый же попавшийся воин снес ему голову топором! Киннар даже толком рассмотреть ничего не успел!

Аскет мечтательно усмехнулся и с лаской огладил лезвие секиры-любимицы. «Топором – это правильно!» – ясно читалось в глазах старика.

Наг на мгновение запнулся, после чего продолжил:

– Яма посылал киннара еще дважды – и дважды посланец возвращался обратно с отрубленной головой! Похоже, его всякий раз убивал один и тот же воин!

Здоровяк еле сдерживался, чтоб не загоготать на весь лес. Три раза подряд наступить на одни и те же грабли – потеха!

– И тогда Петлерукий Яма обратился с просьбой к моему господину. Выбор Повелителя, как обычно, пал на меня, – грустно произнес наг. – У меня, ясное дело, две головы, только терять любую из них мне совсем не по вкусу. Сами понимаете: одна голова хорошо, а две... Поэтому, когда я выбрался из Третьего мира на Поле Куру, я предусмотрительно уменьшился до размеров яблочного червячка – и никто меня не заметил! Но вскоре выяснилось, что в таком виде я и сам могу заметить в лучшем случае яблоко. Пришлось увеличиваться. До полупосоха. Приподымаю я головы, осматриваюсь... Вы будете смеяться, но первым, кого я увидел, был урод-бородач с окровавленным топором!

Васятха-Хороший весь передернулся от такого нехорошего воспоминания, и по чешуйчатому телу пробежала волна мелкой дрожи.

– Шарахнулся я от него, чувствую: за хвост хватают. И орут: «Вот ты-то, гад, мне и нужен!» Я только дернулся, а этот, который змеелов, уже «Нагабхала-Мантру» выкрикивает. Ту самую, от которой мы деревенеет и превращаемся в отравленные дротики! Не успел я опомниться – лечу! Взаправду лечу! Мне даже понравилось. Вот, думаю, рожденный ползать... Тут как раз и прилетел. Врезался в чей-то доспех, лбы порасшибал, сам доспех всмятку, хозяин доспеха с колесницы брык! Я поверх него шлепнулся, а он ужедохлый. Совсем...

– Не удивительно, – проворчал Здоровяк.

– Меня мантра и отпустила. Еле до ручья дополз... а он кровью течет. Притаился я в ложбинке, слышу – кричат: «Царь Шалья убит! Последний воевода пал! Бегите, Кауравы!» И тут до меня доходит, что это МНОЙ бедолагу и прикончили! Вижу: часть воинов побежала, оружие бросают, иные ниц валятся... И голос отовсюду, как оползень в горах: «Убивайте! Павший в бою наследует райские миры!.. Убивайте ради их же блага! Пленных не брать!» Я проморгался, смотрю: огненный дождь всех накрыл... и тех, что бегут, и тех, что ниц...

Наг осекся, лизнул пересохшие губы парой раздвоенных жал и заморгал чисто по-человечески.

Удавьи глаза Васятхи предательски заплывали слезами.

– Короче, я обратно, а тут вы со своими шутками! Будто я и так мало натерпелся!

И наг обиженно умолк.

– Врет! – с уверенностью заявил Здоровяк. – Быть такого не может. Кшатрий сдающегося никогда не убивает. Слышь, тезка: врет, слякоть двумордая!

– КТО приказал не брать пленных? – тихо спросил Рама-с-Топором у нага, и сухие пальцы аскета непроизвольно сжались, вращая в древко секиры.

От этого чуть слышного голоса передернуло не только нага, но и могучего Здоровяка. Лицо аскета казалось бесстрастней обычного, но уж лучше бы он ругался самыми страшными словами и размахивал своим топором... Увы, не такой человек был Парашурама Джамадагнья, Палач Кшатры, что наполнил в свое время Пятиозерье кровью варны воинов и поил этой кровью призрак невинно убиенного отца.

Былой хозяин Курукшетры, где сейчас гибли тьмы и тьмы.

Нет.

Не гибли.

Погибли.

– Я н-не знаю... – растерянно выдохнул Васятха. – Клянусь жалами Отца-Шеша, не знаю!

– И голос отовсюду, словно оползень в горах, – медленно повторил Рама-с-Топором. – Голос ЕГО...

– Кого – ЕГО? – не понял Здоровяк.

– Братца твоего ненаглядного! Черного Баламута! – аскет выплюнул это имя, как ругательство. – Кого ж еще?!

И бесстрастным старик теперь выглядел не более, чем весеннее половодье в отрогах Восточных Гхат.

– Да ты что, тезка, сдурел?! – брови Здоровяка вспугнутыми шершнями взлетели на лоб. – Кришна, он же... да не мог он такого приказать! Он вообще не любит приказывать... и в битву обещал не вмешиваться!

– Любит, не любит! Ты мне еще на лотосе погадай! Ах я, старый дурак! Вот она, Эра Мрака! Павший в бою наследует райские миры? Убейте всех ради их же блага! Пленных не брать! Любовь – побоку, Закон – на плаху, одна Польза осталась, и та с гнильцой... Убивайте! Всех, всех, а там Господь разберется, где свои... и огненный дождь на головы! Это ж какой сукой надо быть, чтоб «Южными Агнцами» сдающихся полоскать?! Дурак я, дурак... решил отсидеться...

– Мне надо туда, – катая желваки на скулах, сухо бросил Здоровяк. – На Поле Куру. Я отказался участвовать в бойне – но бойня закончилась. Пора вернуться. И взглянуть в глаза своему брату. Извини, тезка, но я не верю, что это – он. Ведь я люблю его...

Насмерть перепуганный Васятха смотрел на огромного человека, в котором только что все добродушие переплавилось в нечто совсем иное, и сердце змия захлебывалось от страха.

Наг, разумеется, слышал рассказы о том, как бешеный Баларама убивал на арене Матхуры лучших борцов-демонов, смеясь в лицо царю-выродку – но раньше порученец никогда не принимал это всерьез.

– Ну, я пополз? – робко поинтересовался наг.

– Пополз, – согласился аскет. – Да не туда. Вот доставишь его на Курукшетру – тогда посмотрим... И меня заодно, – неожиданно закончил он.

– Да как же так? – бедный Васятха чуть не подпрыгнул от растерянности. – Мне же к Повелителю с докладом...

– Повелитель обождет, – аскет был неумолим. – Думается, по возвращении твой доклад будет куда полнее. Давай, поехали!

– Да не снесу я вас двоих! – взмолился наг.

– Еще как снесешь! – заверил его Здоровяк, мигом приняв сторону тезки. – Уменьшаться умеешь? Умеешь. Сам говорил. Значит, и увеличишься, ежели подопрет!

– Ну не настолько же! – продолжал упираться Васятха. – Кроме того, если я с докладом опоздаю, с меня семь шкур...

– Скажи-ка, тезка, чтить ли ты Шиву-Милостивца? – словно забыв о существовании нага, обратился аскет к великану.

– Ясное дело! – удивленно ответил тот, еще не вполне понимая, куда клонит старик.

– А хотел бы ты хоть в самой малости уподобиться Синешеему?

– Ну... а в чем именно?

Видимо, в душу Здоровяка при воспоминании о привычках чтимого Шивы закрались сомнения.

– Шива, подвижник из подвижников, как ты знаешь, любит подпоясываться царской коброй. Ну хотя бы в этом мы с тобой могли бы последовать его примеру?

– Могли! – уверенно кивнул Баларама, убедясь, что никто не предлагает ему посвятить остаток жизни аскезе и с утра до вечера стоять на одной ноге. – В этом могли! Запросто.

– Вот и я так мыслю, – аскет задумчиво пробовал ногтем остроту секирного лезвия. – Наш чешуйчатый приятель, конечно, не кобра... зато головы у него две, и длина вполне подходящая. Так что ежели аккуратненько располосовать вдоль – быть у нас с тобой по замечательному поясу! Полагаю, Шива одобрит.

Здоровяк хлопнул в ладоши и расплылся в радостной улыбке, явно предвкушая водопад будущих милостей Синешеего.

– Ладно, уговорили, – промямлили обе головы нага, который внимательно следил за развитием щекотливой темы. – Все вы, люди, одной сурьмой мазаны: чуть что не по-вашему – сразу топором! Хоть нас, хоть киннаров, хоть друг дружку! Отойдите, дайте место...

– Вот и умница, – похвалил его Рама-с-Топором. – А Повелителя своего не бойся. Станет ругаться, скажешь: дескать, срочно понадобился самому Балараме, земному воплощению Змея Шеша. Тем более, что так оно и есть, – добавил аскет тихо.

Васятха тяжело вздохнул и начал быстро увеличиваться. Когда длина его достигла почти двадцати посохов, а в обхвате в самом толстом месте наг вполне мог сравниться со средней упитанности слоном, змий прекратил наконец расти, критически оглядел себя двумя парами глаз и, видимо, остался доволен результатом.

– Ну что, поехали? – поинтересовался он у тезок.

Здоровяк подхватил лежавшую под деревом цельнометаллическую соху, с которой почти никогда не расставался; аскет наскоро затоптал костер босыми ногами – и вот уже оба Рама восседают в ложбине у шейной развилки змия.

– Поехали! – один седок хлопнул нага по левой шее, другой – по правой; и ездовой змий принялся споро ввинчиваться в Махендру, лучшую из гор.

– Хоть когда-никогда свой плуг по назначению использовал, – донесся из-под земли удаляющийся бас. – Сегодня, например, тебе огород вспахал! Теперь этого погоняю, подколодного... А то все больше заместо дубины...

Голос стих. Вскоре перестала дрожать и земля. Тишина вновь вернулась к пепелищу бывшего костра – и лишь огромная воронка, окруженная валом вывороченной земли, напоминала о странной троице, покинувшей благословенные склоны.

Ашока тревожно качнула ветвями и наконец успокоилась. Сейчас был тот редкий момент, когда ее действительно можно было назвать Беспечальной.

«Не зря его все же кличут „Добрый Рама-с-Топором“, – думало дерево, засыпая. – Все в итоге добром решил. А мог ведь и рубануть...»

Тишина. Звезды. Легкий шелест листвы, которую ерошит проказливый ветерок-гулена.

И не слышно больше в этом шелесте лязга металла о металл, стонов умирающих, конского ржания, скрежета стрелы по доспеху...

Великая Битва закончилась.

Все убиты.

Все ли?..

КУРУКШЕТРА,

лучшее из полей

– А, вот ты где! – насмешка звенела и переливалась, и хлестала семихвостой плетью. От души.

Это было первое, чем встретила Курукшетра подземных путешественников, когда те выбрались наружу.

Насмешка-невидимка.

И лишь потом до их слуха донеслось сытое карканье бесчисленных ворон, круживших над Полем Куру.

Люди осматривались по сторонам, пытаясь сориентироваться; наг же спешно уменьшился до обычных размеров, затем подумал и уменьшился еще вдвое.

Светало. Медленно редая, плыла над землей кисея тумана, и сквозь нее углами проступали изломанные кусты, обугленные, сиротливо торчащие остовы деревьев – и трупы, трупы...

Видно было не дальше, чем на два-три посоха; но этого хватало.

Кусты, трупы...

– Тростники вместо дворцовых стен, жабы вместо наложниц? – насмешка ширилась, обжигая слух. – Озеро вместо державы?! Думаешь, это спасет тебе жизнь, Боец?

В ответ расхохоталось несколько голосов – пять? шесть? дюжина?..

Нет, не в ответ.

В поддержку насмешке.

– Царь Справедливости?! – удивленно спросил сам себя Здравяк, тщетно пытаясь высмотреть хоть что-то в туманной мгле. – Раньше он был куда учтивее! Даже с врагами.

Рама-с-Топором молчал. Он знал, что Царем Справедливости с рождения именуют старшего из братьев-Пандавов, братьев-победителей – но никогда не встречался с ним лично, чтобы теперь распознать голос.

А еще аскет знал: Бойцом звали хастинапурского раджу Дурьодхану, сына Слепца – того, кто сумел настоять на своем еще при жизни Гангеи Грозного, Деда Кауравов.

Догадаться об остальном было проще простого.

– Где твоя хваленая гордость, Боец? – насмешка хищным ястребом взмыла над хохотом остальных. – Выходи, сразись с нами!

– Ну?! – подхватил хор.

– Значит, не все погибли! – Здравяк явно воспрял духом. – Может, еще кто-нибудь уцелел?

– Может быть, – сумрачно процедил Рама-с-Топором, разглядывая опрокинутую набок колесницу, запряженную четырьмя скелетами. – А может и не быть.

– Ну что, теперь я свободен? – с надеждой осведомился наг.

– Свободен, – кивнул аскет. – Но я бы посоветовал тебе задержаться. Возможно, ты скоро увидишь кое-что, о чем небезынтересно будет узнать Нагарадже и Адскому Князю.

Любопытство перевесило, и после изрядных колебаний наг решил остаться.

– Я прячусь здесь не из страха за свою жизнь! – ярость и боль отшвырнули насмешку прочь, и даже язвительный хор приумолк в смятении. – Одна жизнь из миллионов, подвластных мне – думаете, я дорожу ею больше прочих?! Я просто хотел отдохнуть и смыть кровь с моего тела...

– Мы уже отдохнули, – насмешка вернулась, игриво струясь в тумане. – Да и ты, надо полагать, успел омыться вдоволь. Выходи, прими вызов – и если ты победишь, царство будет твоим! Клянусь чем хочешь!

Здоровяк отчетливо представил себе обессиленного вождя Кауравов, по грудь в воде, обнаженного, израненного, безоружного (хотя это – вряд ли!) – и столпившихся на берегу озера воинов.

В сверкании лат и смертоносного металла.

Воображение обожгло сердце ледяными брызгами гнева.

– Что мне в царстве, построенном на костях друзей и родичей?! – ярость и боль, боль и ярость, последнее прибежище Бойца. – Ты хочешь быть царем над кладбищем?! – будь им! Ты победил. А я облачусь в рубище отшельника и удалюсь в леса, проведя там остаток дней...

Дружный гогот вновь был ответом законному радже Хастинапура.

– И ты думаешь, что я поверю тебе? – вкрадчиво поинтересовалась насмешка. – Поверю, пожалею и дам уйти живым? Ты даришь мне царство ТЕПЕРЬ, когда перестал им владеть? Щедрый дар, Боец! Выходи и сражайся!

– Нет, ты погляди, как он гладко стелет! – искренне изумился Здоровяк. – Попробовал бы он так говорить с Бойцом, когда тот был в силе!

Аскет молчал, хмуря кустистые брови.

Наг тоже помалкивал – от греха подальше.

– Я буду сражаться! – взревела из озера ярость, заставив боль умолкнуть. – Один на один! С каждым! Или вы собираетесь задавить меня скопом, подтвердив врожденную подлость? Ха!

– Вот теперь я слышу речь истинного кшатрия, – удовлетворенно проворковала насмешка. – Недаром же мы братья... Выходи. Бой будет честным, обещаю.

Плеск расступившейся воды, шелест тростника...

– Ты даже можешь выбрать оружие, которым станешь биться, – милостиво разрешила насмешка.

Было слышно, что говоривший может позволить себе великодушие в таких мелочах.

– Ты храбрый человек, о Царь Справедливости, – ярость позволила и себе криво усмехнуться. – Я принимаю твою милость и выбираю палицу! Пусть тот из вас, кто осмелится, выступит против меня с равным оружием!

Тишина.

– Да, тут они, похоже, дали маху, – Здоровяк ткнул аскета локтем в бок. – Кроме Бхимы-Страшного...

– Я, брат твой, Бхимасена, вырву шип, терзающий твое сердце, о Царь Справедливости! Сейчас я своей палицей лишу негодяя царства и жизни!

– Когда это ты научился красивым речам, Волчебрюх? Когда строгал ублюдков сукам-ракшицам? Когда пил кровь моих братьев? Когда подлостью убивал наших общих наставников?! Хватит понапрасну молоть языком – выходи и бейся со мной!

– Посмотрим? – предложил аскет.

– Пошли, – кивнул Здоровяк.

Ветви кустов хлещут по лицам, словно Поле Куру старается задержать бывшего хозяина, не дать пойти на звук, зябкий дождь из росы осыпается на плечи, руки... Впереди мелькают размытые силуэты, слышатся крики, треск первых ударов.

Позади, стараясь не отстать, резво ползет Васятха.

– Постоим здесь, – шепчет Рама-с-Топором, останавливаясь на пригорке, у чудом уцелевшей смоковницы, и придерживая теску за плечо. – Не спеши.

С этого места берег злосчастного озера и поединщики, окруженные изрядной толпой воинов из лагеря победителей, были видны, как на ладони. На новых зрителей же никто не обратил внимания – всех захватило зрелище.

Ох и зрелище!

Странно: почему убийство сотен и тысяч вызывает омерзение или ужас, а вот так, один на один, в кругу возбужденных зевак...

Подобные матерым быкам-гаурам на брачном лугу, кружат двое: нагой и одетый, плоть и доспех, всклокоченная шевелюра и плоский шлем с налобником, босые ноги и боевые сандалии в бронзовых бляшках. Вот с треском столкнулись шипастые палицы – единственное общее, что было у обоих... ложь, не единственное! – еще общей была сила. Удар, другой, третий... глаз человеческий безнадежно опаздывает, пытаюсь уследить за молниеносными взмахами. Кажется, что подобным оружием с его чудовищной тяжестью невозможно биться, словно легкими булавами для метания; много чего кажется, глядя со стороны и гася в груди вопль восторга, но быкам в кругу нет дела до наших представлений о паличном бое.

Они просто ежесекундно опровергают эти представления.

Боец и Страшный, царь бывший и царь будущий; побежденный и победитель.

Рама-с-Топором смотрел на поединок и чувствовал себя посторонним.

Мумией из седых бездн прошлого, миражом с сияющих вершин будущего; незванным пришельцем, что явился к концу чужого пира и теперь нагло разглядывает гостей с хозяевами. Осознание собственного возраста впервые обрушилось на костлявые плечи, грозя стать последней соломинкой, ломающей спину буйволу. Сменились поколения, пока аскет предавался добровольному затворничеству на Махендре, возвелись и разрушились города, люди стали иными, лик земли стал иным, Поле Куру забыло грозного Палача Кшатры, пустив на свой простор новых палачей, помоложе – и сотню раз успел сгнить до основания старый ашрам старого отшельника. Сейчас же он смотрел и не узнавал лиц, путал имена с прозвищами, плохо разбирался в хитросплетениях родословных внутри Лунной династии и прочих царских семей; плохо разбирался хотя бы потому, что его это абсолютно не интересовало до сегодняшнего дня.

Рама знал лишь: трое его учеников были подло убиты один за другим здесь, на этом поле, которое согласилось лечь под армии друзей и родичей, как шлюха под гогочущий сброд в порту.

Сердцу аскета было видение тех смертей.

Гангея Грозный по прозвищу Дед.

Наставник Дрона по прозвищу Брахман-из-Ларца.

Карна-Подкидыш по прозвищу Секач.

И бой нагого с доспешным в кругу зрителей, сгоравших от предвкушения финального удара, был сродни тем видениям.

Аскет не замечал, что его пальцы скоро раздавят секирное древко.

Он смотрел.

...Противники разом отскакивают друг от друга, стремясь перевести дух на безопасном расстоянии. Доспешный потерял шлем, лицо его залито кровью из рассеченного шипом лба, а на губах пузырится бурая пена – второй удар пришелся наискось в зеркало панциря. Гольй, в свою очередь, движется, изрядно скособочась и подволакивая правую ногу – похоже, у него треснуло ребро или два.

Но ненавидящие взоры продолжают сталкиваться с беззвучным грохотом.

Доспешный жаждет победить и насладиться победой.

Нагой ничего не жаждет.
Он умирает, выбрав смерть по своему вкусу.
Он счастлив.

– Если так пойдет и дальше, братьев-Пандавов останется четверо, – равнодушно произносит Рама-с-Топором.

Здоровяк не отвечает, опершись на соху.

Будто в подтверждение слов аскета, нагой внезапно кидается вперед, забыв о ранах и усталости. Палица описывает в воздухе сложную петлю, достойную древесного удава, выскальзывает из-под, казалось бы, неминуемого столкновения – и металл уже пострадавшего зеркала становится треснутой кожурой кокоса.

Доспешный рушится наземь сбитой влет гридхрой, содрогаясь всем телом. Он надсадно хрипит, и бурая пена на его губах мало-помалу становится алой... ярко-алой, цвета свежестиранных одеяний Адского Князя.

Цвета смерти.

Нагой издает торжествующий клич и, верный закону паличного боя, отходит прочь в ожидании.

Доспешный поднимается на одно колено. Время обтекает его, боясь столкнуть обратно, на землю, и клочья пены летят на палицу и бугристые руки доспешного. Любой другой на его месте беседовал бы сейчас с киннарами или дружинниками Индры по пути в иные сферы – но Бхима-Страшный играючи ломал шеи ракшасам озерного Манаса и лесистой Экачакры!

Впрочем, видно по всему: в глазах доспешного плещет огненными крыльями призрак погребального костра.

И тут раздался голос, который заставил вздрогнуть двухголового нага. Васятха плотнее обвил ствол дерева, откуда наблюдал за поединком, но унять дрожь не удалось. Змий уже слышал этот голос. Тогда он был гораздо громче, тогда он рушился горным оползнем, и слова были совсем другие: «Павший в бою наследует райские миры! Пленных не брать!»

Сейчас же голос был тих и спокоен:

– Ты не можешь погибнуть, мощнорукий Бхимасена, не выполнив своей клятвы! Помнишь, ты поклялся отомстить злокозненному Бойцу, раздробив его бедра?! Помнишь?!

– Проклятье! – утробно взревел Здоровяк, наливаясь дурной кровью и мало заботясь о том, что подумают стоявшие внизу воины-зрители. – Позор! Что ты делаешь, брат!

И великан рванулся вниз, к бойцам.

Но было поздно.

Польза перевесила Закон, а над Любовью давным-давно каркало сытое воронье.

Напоминание тихого голоса, казалось, мгновенно придало сил доспешному. Нагой еще только оборачивался, лишний раз убеждаясь в небоеспособности противника, а окровавленная палица в клочьях пены уже отправилась в полет.

Клятва, была она на самом деле или нет, исполнялась.

Доспешный бил ниже пояса, достойно завершая Великую Битву.

Со страшным хрустом палица врезалась в бедро нагого, ближе к паху, и двое закричали одновременно – искалеченный Боец и Здоровяк, который видел, что не успевает... он не успел вдвойне. Потому что доспешный на четвереньках подполз к упавшему противнику, привстал, палица его взмыла в воздух заново, и оба бедра нагого стали похожи на гущу мясной похлебки с торчащими наружу обломками костей.

Только тогда доспешный поднялся, довольно ухмыльнулся и наступил ногой на голову поверженного Бойца.

– Мои клятвы всегда исполняются! – наверное, он ожидал всеобщего одобрения, но ответом было подавленное молчание. Воины прятали глаза. Попрать ногой голову законного царя, близкого родича, пусть даже... пусть.

Пусть?!

В следующую секунду, расплескав шарахнувшуюся прочь толпу, как соха расплескивает податливую землю, в круг молча вошел великан.

Волоча за собой настоящую соху.

Баларама Халаюдха, трус и изменник, который позволил себе увильнуть от Великой Битвы...

Сохач шел убивать.

– Ты подлец. Твоя честь – собачья моча. Твоя жизнь – жизнь псоядца, – рубленные, тяжелые фразы камнями падали из уст Баларамы. – Твой погребальный костер – отхожее место. Но я добр. Я отдам твой труп шакалам.

И впервые в жизни доспешный ощутил, что такое страх. Здоровяк возвышался над ним, «быком среди кшатриев», как слон над гауром, а сверкающий металлический плуг – любимое оружие Сохача – уже начал свое неумолимое движение, набирая разгон для единственного удара, от которого доспешный не мог ни уклониться, ни отбить его.

Это была смерть.

Баларама слов на ветер не бросал.

Когда Здоровяк вошел в круг, Раму-с-Топором пробрал озноб. Секундой ранее старый аскет думал, что нынешний поединок олицетворяет для него всю Великую Бойню – победа, победа любой ценой!.. но ледяные пальцы вцепились в тело, до сих пор равнодушное к боли и холоду, вытряхивая прочь посторонние мысли.

Так Палач Кшатры не мерз даже тогда, когда сходилась для боя с собственным учеником, Гангеей Грозным, на льду Предвечного океана. Сперва ему померещилось, что отовсюду надвигается незримая стена из ледяных глыб. Стена, которая прежде окружала всю Курукшетру, а сейчас начала стремительно сжиматься, стягиваться в одну точку, острую, как игла палача, когда та приближается к влажному зрачку...

Тревожно замычал белый бык с Топора-Подарка – и там, в круге, удивленно поднял голову гибкий чернокожий красавец. Сверкнули звезды очей, чувственные губы растянула тихая улыбка – и игла пронзила зрачок.

Раме-с-Топором больше не надо было объяснять, кто стянул на себя незримое покрывало, сквозь которое не могли пробиться Локапалы Востока и Юга.

На миг он ощутил нечто, похожее на касание призрачных рук, которые отчаянно пытались ухватиться за аскета, за древко его секиры, даже за лезвие! – но равнодушная сила повлекла призраки дальше, как мать влечет за собой упирающееся дитя. Край покрывала из тумана и сырости скользнул по лицу аскета – и мир вокруг в одно мгновение стал иным, ярким и звонким, рассвет сменился утром, и застывшее на месте время встрепенулось, вспомнив о своих обязанностях.

Черный Баламут рассмеялся, когда вокруг него зажегся радужный ореол; и даже Палач Кшатры не успел заметить рывка Кришны. Вот только что Баламут стоял и смеялся, а вот он уже висит на своем брате, прижимая руки-хоботы Здоровяка к могучему туловищу.

Не давая возможности нанести смертельный удар.

– Пиявка на слоне, – процедил сквозь зубы аскет и стал наблюдать за дальнейшим развитием событий.

Наг делал то же самое в четыре глаза.

Казалось, что Здоровяк легко должен стряхнуть с себя Кришну-миротворца, после чего довершить начатое. Но не тут-то было! Черный Баламут клещом вцепился в брата-великана, и все усилия Здоровяка высвободиться оказывались тщетны. Здесь и сейчас, в зародыше мира нового, для Кришны не существовало невозможного, и самым простым было удержать брата, вдесятеро превосходившего силой прежнего Баламута.

– Остановись, брат! – пел звучный голос, и эхо подхватывало многоголосым хором, разглаживая складки на лицах воинов:

«Остановись, брат!..»

– Нет вины на убийце, ибо убитый пал во исполнение былой клятвы!

«Нет вины!» – соглашалось эхо, и воины переглядывались, кивая:

«Нет вины... вины... нет...»

– Нет вины?! – опешил Здоровяк, едва не выронив свое грозное оружие; и Кришна наконец отпустил брата, видя, что опасность почти миновала.

– Конечно, нет! Исполнение обета... кроме того, пойми: возрастет могущество родичей наших – возрастет и наше могущество!

Баламут осекся. Великан смотрел на него с невыразимым презрением, которое мешалось с былой любовью, и никакого Жара не доставало в любом из миров, чтобы закрыться от этой отравленной стрелы.

Наверное, остановить «Беспутство Народа» было проще.

– Убивайте всех ради их же блага? – еле слышно спросил Здоровяк. – Пленных не брать, да?

Черный Баламут не ответил.

Великан повернулся к нему спиной и побрел прочь из круга.

Поднял взгляд.

И встретился глазами с аскетом у смоковницы.

Так они и столкнулись: дикий огонь пекла и вечный покой бездны, кипень пламени и неколебимость утеса, молния и гора, взор и взгляд.

– Дети рабов, следующие бесчестным советам, – рык Здоровяка раскатился над примолкшим кругом, заставляя воинов вжимать головы в плечи. – Не побежденный, а вы достойны жалости! Он правил всей землей, попирая головы своих врагов. Кто более счастлив, чем он?! Он честно встретил смерть в бою, уступив не силе, но подлости. Кто более счастлив, чем он?! Он идет на небо вслед за своими братьями, друзьями и наставниками. Кто же более счастлив, чем он?!

Тишина была ответом.

Здоровяк плюнул под ноги dospешному и молча пошел к смоковнице, где его ожидали аскет и наг.

И никто не обратил внимания, как разлепились губы старого отшельника, выплевывая мантру-приказ – но туманные нити сами собой протянулись из адской бездны в глазницах Рама-с-Топором, намертво связывая хозяина с Черным Баламутом.

Рама-с-Топором увидел. Плотный переливающийся кокон окружал гибкого красавца, кокон Жара, где не таилось ни боли, ни страха – только любовь. Любовь, которая заставляла бойцов обеих сторон избегать в сражении Господа Кришну, беречь как зеницу ока, отводить в сторону удар, прощать обман, внимать Песни... высшая любовь. Сотни, тысячи, миллионы безжалостно спрессованных душ, душ бхактов-любовников, нитей в черном покрывале, крупиц тапаса, сгоревшего на Курукшетре! Не зря пустовали райские миры и Преисподняя, не зря пошатнулись основы основ, не зря возмущались воды Прародины...

Кришна Джанардана.
Черный Баламут.
Зародыш нового мира.
Мира, где быют ниже пояса.

**Книга первая
ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ
ПО ПРОЗВИЩУ
ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ**

Бали сказал:

– Раньше, о Индра, пред моим гневом все трепетало,

Нынче же я постиг вечный закон сего мира.

Раз уж меня одолело Время, чтимого владыку гигантов,

То кого иного, гремящего и пламенного, оно не одолеет?!

Тебя также, царь богов, Многосильный Индра,

Когда придет час, угомонит могучее Время,

Вселенную оно поглощает, поэтому будь стойким!

Ни мне, ни тебе, ни бывшим до нас его отворотить не под силу...

Махабхарата, Книга о Спасении, шлоки 26, 40, 56-57

Зимний месяц Магха, 29-й день ДОСПЕХ С ЧУЖОГО ПЛЕЧА

Проникшийся величием сказанного здесь никогда не вкушает скоромного, к супруге приходит только в положенное для зачатия время, соблюдает пост и ест лишь по вечерам! Но и при нарушении законов людских и человеческих лишь одна строка из сего святого писания дарует небо и освобождает ото всех грехов! Вспоминайте же нашу мудрость всегда: во время приема пищи, в час сношения с супругой и в суетный миг ловли барыша – да будет вам благо!..

Глава первая

БОГ, КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ НУЖЕН

1

Теплые огоньки масляных светильников один за другим загорались в саду. Проступили очертания беседок, нитками драгоценных ожерелий высветились террасы, а павильоны превратились в силуэты глубоководных рыб-гигантов – я видел таких, навещаая дворец зеленоволосого Варуны.

Послушные светляки-индрагопы (поймать бы умника, который их так обозвал!) гроздьями облепили ветки ближайших кустов, а также – резной потолок выбранной нами беседки. В общем, стало уже достаточно светло, а неутомимые апсары все продолжали добавлять иллюминации. Я лениво потянулся и подумал, что если их не остановить, то красавицы, пожалуй, спалют все запасы масла в Обители!

Придется у Семи Мудрецов одалживать.

Спалют? О чем ты беспокоишься, глупый Громовержец?! На всю Эру Мрака маслом все равно не запастись. Можно было, конечно, не мудрствуя лукаво, подсветить грозовыми сполохами или связаться через Свастику Локапал с другом Агни... Можно, да не нужно. Как там поучал меня один знаменитый асур: «Но теперь не время отваге, время терпенью настало!» Именно что время терпенью. И сейчас мне хотелось живого света: индрагопы, светильники, трепет желтых язычков пламени...

Да, так – куда лучше.

Обычно ночи в Обители проводились иначе: бурно и буйно, с гулянием дружинников, визгом апсар и неодобрительным кряхтением Словоблуда. Я вспомнил дюжину особо замечательных гуляний и со вздохом признался сам себе: слово «обычно», похоже, надо забыть навсегда.

После чего грустно моргнул в подтверждение.

Братца Вишну удобно устроили на импровизированном ложе прямо здесь же, на полу беседки. И сейчас Опекун Мира мало-помалу приходил в себя, потягивая из чаши теплую амриту с молоком. А мы расселись вокруг и тихо переговаривались между собой. На светоча Троицы, заварившего ту крутую кашу, которую нам теперь приходилось расхлебывать, демонстративно не обращали внимания. И с вопросами не торопились набрасываться – пусть сперва оклемается!

Мы – это, понятно, в первую очередь я; великий и могучий Индра-Громовержец, Стогневный, Стосильный и прочее, за что прошу любить и жаловать. Во вторую очередь – вон они, сидят рядышком, как куры на жердочке: мой мудрый наставник Словоблуд и сынок его, толстый Жаворонок, который и папашу-то перемудрил!

Третья с четвертой очередью расположились ближе к порогу. Та еще парочка: Лучший из пернатых, орел наш Гаруда, нахохленный, озабоченный – и мой возница, синеглазый Матали, безуспешно притворявшийся опорным столбом. Знал, подлец: не хватит у меня духу погнать его после наших мытарств над гнойным нарывом Поля Куру!

Он знал, и я знал, и все знали – чего уж там...

Завершал великое сидение отставной Десятиглавец Равана. После героического спасения братца Вишну, которого Равана приволок в Обитель на своих широченных плечах, у меня просто не поднялась рука отослать Ревуна в казармы, где временно расположились его подчинен-

ные-ракшасы. Равана лишь ненадолго отлучился, чтобы перекусить, и вернулся, просто лучась счастьем! Еще бы, кухня Обители после постно-праведнического хлеба братца Вишну...

– Скажи, Владыка, а у тебя здесь тоже рай считается, или как? – гулким шепотом поинтересовался вдруг царь ракшасов.

– Рай, – кивнул я. – Царствие небесное.

– Тогда странно...

Я собрался было обидеться; и передумал.

– У меня сейчас как раз время месячным, – продолжил деликатный Равана, – и ничего!

– Что?! – аж подпрыгнул я. – Чему у тебя время?!

– Мучаться пора, – доступно разъяснил великий мятежник. – Чтоб рай не отторгал. А твоя Обитель нас и так принимает, будто родных! Живот не пучит, руки-ноги не крутит, в глазах не темнеет. И не тянет никуда. Я-то помню, как в Вайкунтхе бывало, ежели вовремя в местный ад не сходишь! Опять же, кормят у тебя не в пример...

Равана покосился на Опекуна Мира, но тот никак не отреагировал на упрек ракшаса.

– Слышь, Владыка, а может, мы у тебя останемся? Тебе тут никого охранять не надо? А то перетащим из Вайкунтхи сюда всех Зловещих Мудрецов, будем их пасти! Вот, один уже сам перебежал... – он кивнул в сторону Жаворонка, о чем-то тихо беседовавшего со своим отцом.

– Посмотрим, – туманно пообещал я, с ужасом представив, как убитых в бою кшатриев встречает в раю Индры эта развеселая компания. – На недельку останетесь, а там видно будет. Трехмирье ходуном ходит, наперед загадывать не приходится. Вот сейчас братец Вишну очухается, расскажет нам, скудоумным, как в игрушки игрался – тогда и решим.

– Но-но, решат они! – мигом вспух от порога бдительный Гаруда. – Я своего Опекуна тиранить не позволю! Ему покой нужен, одеяло шерстяное, а не ваши вопросы!..

Если честно, я даже малость позавидовал Опекуну. Когда от шума драки и грохота моего перуна малыш пришел в себя, мы втроем – Брихас, Жаворонок и я – немедленно набросились на него с вопросами. Но Лучший из пернатых горой (в прямом смысле!) встал на защиту любимого хозяина. И каркать ему в этот момент было на все мои громы и молнии! Нет, все-таки он молодец, наш Проглот! Замахал на нас крыльями, подняв маленькую бурю, прикрыл Светоча Троицы собственным телом, как квочка цыпленка...

И мы отступили, устыдившись. Действительно, пристали к больному с допросом! Позор, суры-асуры!

– Не надо завидовать, брат мой Индра, – Вишну криво улыбнулся. – Пора разжигать костер. Надеюсь, что не погребальный... Но прежде чем судить меня, ответь, брат мой Индра: ты можешь представить себе, что значит быть младшим в семье? В нашей семье, в семье не просто суров – братьев-Адितьев? Вечный мальчик на побегушках? Бог, который, по большому счету, никому не нужен? До которого никому в семье нет дела? Не отворачивайся, Громовержец, смотри мне в лицо, не моргая – раньше ты никогда не моргал, глядя на милого маленького Упендру!

Я помнил, чем кончилось то давнее дело.

Если я сижу здесь, а Змий по сей день ловит козлят в дебрях Кишкиндхи – как не помнить?

– Я действительно наломал дров, – Вишну криво улыбнулся. – Пора разжигать костер. Надеюсь, что не погребальный... Но прежде чем судить меня, ответь, брат мой Индра: ты можешь представить себе, что значит быть младшим в семье? В нашей семье, в семье не просто суров – братьев-Адитьев? Вечный мальчик на побегушках? Бог, который, по большому счету, никому не нужен? До которого никому в семье нет дела? Не отворачивайся, Громовержец, смотри мне в лицо, не моргая – раньше ты никогда не моргал, глядя на милого маленького Упендру!

– Ты прав, – чуть слышно ответил я. – Ты прав, малыш. Я слушаю. Рассказывай и ничего не бойся.

2

Было у Брахмы-Созидателя шестеро сыновей: пятеро умных, а шестой – мудрец. Кашьяпа-риши звался, а если по-простому, то Черепаха-пророк. Все сыновья как сыновья, а этому неймется. Брахма его уж и из сыновей во внуки перевел – не помогает. Пришлось женить. Одна беда: дел у Брахмы неуправляемый, вчера дело делал, сегодня забыл – делал ли... Встретит сына-внука, Кашьяпу дорогого, и спросит на бегу: «Ну как, родимый, жениться будем?» А Кашьяпа (вот ведь какое чадо послушное!) кивает. Раз кивает, два кивает, три... вот тринадцать жен и наживал.

А детишек и вовсе немеряно.

Мудрец потому что.

Сами посудите: когда вокруг полыхает заря бытия, а тебе приписывают отцовство чуть ли не каждого второго дитяти в Трехмирье... Что остается? Признать себя ходоком из ходоков? Примерить рога? Или сделать так, чтобы все вокруг твоей мудрости позавидовали?

Кашьяпа-риши выбрал последнее.

И все шло бы тихо-мирно, если б не любимая из жен, пылкая Адити-Безграничность. Сердце у бабы горячее, душа нараспашку, вот и поди уследи за Безграничностью: которым боком она к тебе, а которым – к подозрительно румяному суру-асуру! Тыщу глаз вылупи – заслезятся! Многие, ах, многие успели затеряться в жарких объятиях красавицы, но немногие обратно вернулись. Зато одиннадцать сыновей-Адитьев стали в ряд, все как на подбор! Вылитый папа Черепаха, муж законный: у одного кудри с прозеленью, второй светило из светил, третий буян-громохвост, четвертый...

Что?

Где ж сходство, говорите?!

Вы это не нам, а самой Безграничности скажите: авось, отыщут вас через югу-другую...

(Я слушал братца Вишну и думал, что не я один избрал в эти безумные дни роль шута. Видимо, когда последний доспех пробит, и в брешь светит голое сердце, только и можно закрыться, что наглой ухмылкой. Иначе я давно бы отвесил Упендре подзатыльник за глумление над отцом-матерью.

Хотя знал, что он говорит правду.

А кто не знал?..)

...Двенадцатая беременность упала, как снег на голову. Старовата была мама-Адити, опытна, судьбой бита неоднократно, да проморгала сроки-числа. Подзалетела, как говаривали апсары, принося в подоле младенца с обезьяньей или рогатой головой. Рожать? вытравить плод?! подкинуть дитятю бездетной асурixe? Голова пухла от размышлений, голова пухла, и живот пух, наливался не по дням, а по часам.

А когда откричала свое мама-Адити, отплакала-отвыла, поднесли ей мальчика новорожденного. Ледащенький, темненький, квакает лягухой, одни глаза на лице – драгоценный миндаль.

Не вынесла мама-Адити взгляда.

Оставила ребеночка при себе.

Усладой старости; живой игрушкой.

Муженьку плевать, он Атману-Безликому кости перемывает, ему Вечная Истина всех дороже: и друзей, и гостей, и жен с детишками! Сыновья выросли, заматерели, у самих давным-давно внуки-правнуки... А этот, темненький, еще долго при маме будет.

Вот такие-то дела бабы.

Рос маленький Вишну при живом отце безотцовщиной, при одиннадцати братьях подкидышем. Когда-никогда забежит Лучистый Сурья или там Индра-Владыка, козу ребенку сделает, к потолку подкинёт. И все. Ну о чем Индре с малышом-голышом ласы точить?! У него, у Громовержца, свои заботы, взрослые: Червь Творца на полнеба разлегся, Шушна-Иссушитель в Прародину яйца с крошечным злом отложил, дочка Пуломана-убийцы замуж просится... Пока, мама, бывай, Упендра, я побежал. А малыш вслед смотрит, слезы по щекам градом: пока подрастешь тут, всех чудищ под корень изведут, все Трехмирье поделят на уделы – живи при Свастике божком-приживалой!

Мама спросит: «Что глаза на мокром месте, сынок?»

«Да так, – отвечает. – Землю из пучин на одном клыке вытаскивал, вот горой Меру и оцарапался.»

Выдумщик.

(Я покраснел. Шутовство малыша незаметно превратилось в отравленную стрелу. И ничего ведь не возразишь – прав.

Трижды прав.

Эх, братья-Адиты! – моргать не обучены, а проморгали...)

Гулко шлепались капли из кувшина Калы-Времени: вот и Индра женился, вот и Варуна в своей пучине новую обитель отстроил, с отдельным раем для убитых в бою гигантов, вот и Лучистый Сурья очередную колесницу насмерть заездил.

Вырос малыш Вишну.

Вытянулся.

Гибок, высок, собой хорош. А при маме да маминых товарках обучился не доспех – ожерелья с гирляндами носить, не поножи-наручи – браслеты на запястьях и щиколотках, не шлем боевой – шапку синего бархата. Опять же грамотен, на язык боек. Все суры-асуры, у кого девицы на выданьи, стойку сделали: завидный жених! Особенно тем завиден, что будет при тесте дома сидеть, женушку ублажать! А куда ему деваться, болезному: братьям-племянникам до него дела нет и не было, до Брахмы высоко, до Шивы далеко.

Отличный бог.

Бесполезный и роду хорошего.

В случае чего родня будущему тестю во как пригодится...

Мама-Адити долго носом крутила, через губу цыкала. У той невесты спина кривая, у другой нос коромыслом, третья всем хороша, да теща будущая из таких стерв, что не приведи Тваштар! Выбрала наконец. Славно выбрала – юную Лакшми, которую в позапрошлом году единогласно признали богиней счастья.

Шутили на свадьбе братья-Адиты, подкалывали женишка: держись, малыш, Счастье привалило!

Держусь, отвечал.

Обеими руками.

А сам про себя иное думал. Хоть бы кто спросил: любишь невесту, парень? Он-то счастье свое впервые в жизни на свадьбе увидел, даже понять не успел: его это счастье или чье чужое?

Без меня меня женили.

Пляши, малыш!

Не оттого ли юная Лакшми нерожухой оказалась, что свели их не спросясь?... или это просто со счастьем всегда так?

(Я обратил внимание, что сын Брихаса, толстый Жаворонок, слушает малыша в оба уха. И губы поджигает сочувственно. Видно, задел рассказ какую-то звонкую струнку в мудром брюханчике, выросшем без отца и отцом же проклятом за опыты над собственным потомством.

Остальные тоже молчали. Прятали глаза – кто куда.

И чужак во мне, с которым мы вместе моргали, болели и бились грудью о броню Курукшетры, притих.

Слушал.)

...Выделили молодоженам имение. Хорошее, уютное, и от торных путей сиддхов недалеко. Живи-радуйся, пожелай-деревья расти, жена варенья из райских яблочек наварит. Хлебай скуку золотой ложкой. Вселенная-то с овчинку: звания названы, дела поделены, один отдых свободным остался. Съездить к брату Варуне, окунуться в море-океан, завести философскую беседу? Рвануть к брату Сурье на солнечной колеснице прокатиться? Предложить брату Индре вместе на демонское племя паниев, истребителей коров, походом отправиться?

Смеются братья: рожей не вышел.

Для бесед, колесниц и походов.

Напрямую, ясное дело, не говорят, но по плечу треплют. Ласково так треплют, снисходительно, с усмешечкой. Сиди дома, Упендра-красавчик, сопи в две дырки, не лезь в дела взрослые. Вон, попроси кого надо – пусть тебе еще один дворец поставят. Два дворца. Из яшмы. Или из рубина цельного.

Красота.

Сидит молодой Вишну в красоте, жену отослал куда подальше, со всей ее сворой Летящих Гениев; и думы-мечты в голове, как дитя кубики, перебирает.

А что бы я сделал на братнем месте, дай мне волю?!

Утони земля в безбрежных пучинах, в недрах Паталы – стал бы я вопреку с телом, подобным грозовой туче, и вынес бы землю к свету... ах да, я уже об этом маме в детстве рассказывал, она еще смеялась!

Спасуй Шива-Разрушитель перед невиданным асуром и его воинством – взял бы я диск-чакру, пустил бы выше солнца стоячего, снес бы нечестивцу косматую голову... ау, асуры невиданные, где вы?

Похитить хитрый враг у старенького Брахмы святые писания да скройся в океане – сделался б я рыбой о четырех руках, не ушел бы от меня подлый похититель... эй, Брахма старенький, у тебя ничего не крали?

Ах, ничего... жаль.

Мечтает Вишну, грезы грезит, да так явственно, словно и на самом деле было.

Было?

Не было?!

Зашел как-то к райскому мечтателю один Летящий Гений из жениной свиты. Растекся в поклоне киселем и спрашивает почтительно: супруга, дескать, интересуется – не пора ли съездить в гости к маме-Адिति, навестить свекровь? А Вишну возьми и брякни гонцу-молодцу от тоски душевной: некогда, мол, мне, пусть сама едет. Я тут вместе с Великим Змеем Шеша, Опорой Вселенной, вторую неделю похищаю супругу у могучего демона Джаландхары.

Как похищу – догоню.

Летящий Гений глаза жабой выпучил, а Вишну и рад слушателю. Все не сам с собой – опротивело. Давай мечты словами в сто цветов раскрашивать: как Владыка Индра сдуру оскорбил Разрушителя, возжелав сравняться с ним мощью. Как вышел из Шивиного гнева страшный демон Джаландхара. Как разбил наголову в сражении всех богов: и Индру, и Шиву, и Яму, и этого, как его?... и вообще всю Свастику вдребезги-пополам.

Хоть в рассказах на старших братьях, которым до младшего дела нет, отыгрывался.

Дослушал Летящий Гений до конца, восторгом преисполнился, откланялся... и чаще захаживать стал.

Еще чего новенького узнать.

Правда или нет? – кому какое дело! Не у Шивы же спрашивать: было? не было? Зато интересно. И с друзьями после есть о чем поговорить. Пересказать по-своему, к ста цветам сто первый добавить. А у друзей свои друзья, а у своих друзей еще и жены с родственниками; а у тех... пошли языки чужие уши вылизывать!

Зашумело Трехмирье: великий бог живет в Вайкунтхе!

Ба-альшие дела ворочает.

Вишну б радоваться, пыжиться от величия обретенного, ан нет: еще противней жить стало.

И грезы не спасают.

(Я вспомнил, как ко мне захаживал Медовоокий Агни и, привязав своего ездового агнца к столбу беседки, взхлеб пересказывал последние сплетни о подвигах малыша.

Я еще смеялся до упаду, а потом апсарам излагал.

На сон грядущий.

Говорил, что правда-истина, и от себя половину добавлял.

Веселый я тогда был...)

Больше всего на свете Вишну хотелось быть нужным – но в нем никто не нуждался. Трехмирье существовало само по себе, и менее всего требовался бог без определенного рода занятий. Становиться же мелким покровителем и заведовать употреблением долгого «а-а» в южном диалекте Пайшачи... Или того хуже: всю жизнь пить сому на дармовщинку, подобно хромому Матарिशвану-бездельнику, который когда-то по пьяной лавочке снес огонь с неба на землю!..

Это было ниже достоинства одного из братьев-Адитьев, пусть даже и младшего.

Семья бы не допустила.

Заперла бы позорище в глубинах Прародины – как заперли однажды таинственного сура по имени Третий, взявшего моду отпускать грехи смертным и бессмертным, принимая на себя всякую вину.

Вишну всем сердцем хотел, чтоб его любили – но любовь обходила стороной хозяина Вайкунтхи. Мама и раньше-то не любила младшего сына: стареющей Адити поначалу было лестно слушать комплименты («Ах, молоденькая матушка с младенчиком!.. прелестно, прелестно...»), потом ей нравилось выходить в свет с красавцем-юношей («Где вы отхватили такого ухажера, дорогая?.. что?! Сын?! Ваш сын?! Быть не может...»); потом... Они не виделись уже много веков. Смысл? Перестав быть дорогой игрушкой, украшением на привялой груди, Вишну утратил расположение матери.

Отец его тоже не любил. Кашьяпа-риши любил истину; последнего вполне хватало, чтобы не размениваться на иные мелочи. Истина ревнива. Кроме того, Вишну подозревал в отце определенную неприязнь к собственным детям, символам той костяной диадемы на лбу, которая отравляет жизнь большинству мужчин.

К младшему это относилось в наибольшей степени.

Вишну не любили братья. Опекали, но не любили. Слишком большая разница в возрасте. Их собственные дети и даже внуки были гораздо старше, давно успев найти место в жизни. Вон, у Лучистого Суры сынок, Петлерукий Яма – владыка Преисподней; у Варуны-Водоворота потомство – сплошь божественные мудрецы, одним глотком океан осушают; эх, да что там говорить... Вишну иногда стеснялся собственных племянников, становясь в их присут-

ствии косноязычен и робок; а уж с братьями и вовсе не мог встречаться, чтоб не надерзить в разговоре.

Дерзость – оружие слабых.

Увы, другого не имелось.

Добиваться же любви у многочисленных полубогов всех мастей, населявших небесные сферы, казалось Вишну позорным. Это слуги. Это свита. Имеет ли значение их любовь? Короче, слуги его тоже не любили.

И, наконец, его не любила жена: в последнем Вишну не сомневался. Люби его Счастье, жизнь просто обязана была сложиться иначе.

От тоски он даже однажды вообразил себя Камой, Цветочным Лучником. Любовью во плоти. Мечты выглядели прекрасными: в них Вишну расстреливал всю семью, отчего в сердцах родичей мигом вспыхивало пламенное чувство к безвинно забытому страдальцу, а супруга Лакшми на коленях ползла к мужу, умоляя хотя бы взглянуть на нее одним глазком.

Да, мечты...

И по Трехмирию пошла гулять очередная байка: дескать, Кама-Любовник является малой ипостасью самого Вишну. Совсем малой. Малюсенькой. Такой, что господин Вайкунтхи отпустил Каму свободно гулять по Вселенной и напрочь забыл о его существовании.

Кама очень смеялся тогда.

Он тоже не любил Вишну; но любил розыгрыши.

(Я слушал малыша и думал, что оружие против себя мы куем собственными руками. Действительно, сколько раз он просился взять его в очередной поход... Чуть не плакал, доказывал, что пригодится, что будет ваджру за мной таскать, перуны подавать; маме жаловался. А я-то, дурак, полагал, будто отказом избавляю братца от моря бед: топай к каким-нибудь «Облачным-в-непробиваемую-броню», преи в доспехе, глотай пыль, громыхай по жару!

Чего тебе дома не хватает, Упендра?!

Птичьего молока?!

Ладно, вернусь, прикажу бочку-другую доставить... пока, я пошел.

Хоть бы раз задумался: запри кто дома меня, Индру, – долго б я терпел тихие посиделки?!

Дом бы по кирпичику...)

...Но, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Собрались суры-асуры океан пахтать. Сбивать масло из воды океанской. Есть такое масло: святая амрита называется, напиток бессмертия. Без него хоть ты сур, хоть ты асур... короче, плохо дело. Работа тяжелая, тут любые руки на счету; малыша – и того позвали. А он рад-радешенек. Бегает, везде суется...

Ну, взяли мутовкой гору Мандару, веревкой – змея Васуки, вцепились дружно (суры – за хвост, асуры – за голову) и давай пахтать.

Эй, Мандарушка, ухнем!

Много чего напахтали: и хмельной суры-тезки, и белого коня Уччайхшраваса, и белого слона Айравату, и жемчужину Каустубху, и дерево Париджату, и жуткий яд Калакутту, от которого даже у Шивы шея посинела; и такого добра, что уж вовсе враки завиральные... тут и амрита подоспела.

Смотрят суры с асурами... нет, не на амриту смотрят. Друг на друга. В смысле: как делить-то будем? По-братски или поровну? Если поровну, так асуров много больше...

Быть драке.

А если драка – так асуров опять же много больше.

Вот тогда-то и пригодился семье хитроумный братец Вишну. В драке ему цена медяк ломаный, когда здесь и Индра с перуном, и Шива с трезубцем, и Варуна с тенетами, и вообще дракон на драконе... зато выдумщикам всегда почет. Исчез малыш на минуточку, а вернулся

не бог-красавец – дева-красавица. Да такая, что асуры онемели и трудовой пот со лбов утереть забыли. Подошла дева к чаше с амритой, изогнулась белым лебедем, мурлыкнула кошечкой, потерлась... Бедняги-асуры и опомниться не успели: братья-суры уж далече и амриту, торопясь, хлебают.

Дева – первой.

Вот в чаше и дно показалось.

Много потом чего наговорили сурам обиженные асуры, да толку-то?! Не пахтать же океан заново! А братья-Адитьи пир закатали горой, и славили в одиннадцать голосов братца младшего, выдумщика-затейника, девицу их притворную!

Герой!

Хитрец!

Гордость семьи!

Слушал Вишну хвалу братскую и про себя думал: удавиться бы, да не выйдет...

И жена теперь, ежели что: с девицами, дескать, спать не обучена!

(Мне очень захотелось потрепать малыша по плечу. Или взъерошить его замечательную шевелюру. Или... или-лили, как говаривал в детстве Грозный. Все, что угодно, лишь бы он пригасил лихорадочный блеск глаз, лишь бы перестал раздеваться перед нами донага, раздеваться истово, с хрустом отдирая присохшие повязки, оголяя сокровенное, болезненное, к чему и прикасаться-то страшно...

По мне: уж лучше головой в Кобылью Пасть.

Даже когда ты наедине сам с собой.

Попросите меня рассказать, к примеру: что я чувствовал, сидя у Раваны в темнице! Когда вся сила бессильна, мощь беспомощна, душа истоптана всмятку, а злоба клокочет в глотке смоляным варом...

Нет, не могу. Даже сейчас не могу.

А он рассказывает.

Прости, малыш.)

Есть на земных базарах писцы-крючкотворы, в отдельных павильонах сидят. А над павильоном знак: торговые весы, вверх ногами перевернутые. Идут люди к крючкотворам, когда Пользе надобно с Законом под ручку пройти и Закон же объегорить. Чтоб и барыш, и комар носу не подточил.

Думают крючкотворы.

Плешь чешут.

Пособляют.

В любом заборе своя лазейка есть.

За то им почет и слава; и мзда перепадает.

...Великий асур Златая Подстилка, аскет и подвижник, получил от Брахмы дар: был он неодолим для богов и демонов, людей и зверей. Взмолился тут сын Златой Подстилки, преданный вишнунит Прахлада, издавна мечтавший об отцовском престоле... Явился Вишнупокровитель в облике странном, полульва-получеловека, и загрыз Златую Подстилку. Выйдя из дворцовой колонны и напав со спины. Оставив дар Брахмы в целости и сохранности. А потом шепнул на ушко старшему брату своему, Индре-Громовержцу; тот явился к преданному вишнуниту Прахладе, могучему отцеубийце, и попросил духовные заслуги последнего себе в качестве дара.

Отдал Прахлада и пал от перуна.

Освободился престол.

...Великий из великих, князь дайтьев и асуров Бали-Праведник, был правнуком Златой Подстилки и внуком испепеленного Прахлады. Мог бы Бали силой вернуть дедовский престол, уж чего-чего, а силушки князю доставало – много позже сам Десятиглавец не сумел даже приподнять серьгу, которую носил в ухе Праведник. Да только благочестив оказался лишенный наследства, пошел иным путем. Сотряслась вселенная от страшной аскезы, всполошился Брахма-Созидатель, кинулся Жар на дар менять...

Сменял.

Над всем Трехмирьем воцарился Бали-Праведник.

Сами боги подпали под его владычество – и процвела жизнь от небес до геенны.

Приехала мама-Адити к младшенькому в имение, пала в ноги, стала о содействии просить. Выпросила. Явился через неделю к благочестивому Бали карлик. Мелочь пузатая. Молил выделить ему, горемыке, собачий удел – пространства на три шага в поперечнике. Наставник асуров, мудрый Ушанас, советовал князю: «Откажи!», но не умел Праведник отказывать. Согласился. Стал карлик исполином, за три шага всю Вселенную обошел, а Праведника из милости отправил ниже преисподней.

Все честь по чести.

Живи-радуйся!

...и часто теперь призывали хитроумного Вишну, когда нельзя было спустить силу на благочестие, мощь на справедливость; когда Польза братьев-суров отступала пред Законом, а хотелось, ох как хотелось, чтоб и честь, и лесть, и рыбку съесть!

Есть на земных базарах такие писцы-крюкотворы... славься, Вишну-Даритель!

Мы тебя любим!

(Все почему-то смотрели на меня.

А я смотрел в пол.

Пол как пол, ничего особенного.)

Когда от славы-почестей становилось уж совсем неумогу, когда, вспоминая деяния, хотелось блевать – Вишну сбегал в Гималаи. Прятался в глухой пещере, выл втихомолку, горечь из себя гноем выхлестывал. Чтоб обратно вернуться прежним: утонченным, остроумным, изящным красавцем, у которого все в полном порядке, чего и вам желаю.

Пробовал аскезе предаться.

Без толку.

Душа не лежала.

Это Шиве-Горцу хорошо промеж пяти костров да на одной ноге да на голом столбе, да чтоб дым в глаза и кобра на талии клыками по лингаму... короче, Шиве хорошо.

А иному плохо.

Ой, мамочка, как плохо-то...

Там, в Гималаях, и проклянулся у Вишну дар аватарности, частичных воплощений. Увидел он как-то: парень-удалец из племени киратов девицу выкрасть пытается. Родители у девицы упертые, таких горцы «куркхулями» кличут, без знатной парибархи³ дочку не отдают; а у жениха имущества – тряпка на чреслах и голова на плечах. Парень крадет, девица торопит, а Вишну смотрит и по привычке мечтает: что бы я сделал, окажись на месте вора?! Я бы... ан тут сура и прихватило. Чудится ему: не бог он, а кират молодой, вот и веревка за скалу крюком цепляется, вот и невеста через плечо... вот и стрела вдогон.

Добрый стрелок – девкин отец. Быть парню с гостинцем между лопаток. Аккурат у невестинкой ляжки и воткнулась бы, сизоперая. Да только парень себя в тот момент богом чувство-

³ Парибарха – калым, магарыч; выкуп за невесту

вал (или бог – парнем, кто там разберет!). Потянулся рукой невидимой, велел ветру плеснуть подолом, а солнцу сверкнуть лучнику в глаза...

Мимо стрела прошла.

На три жезла левее.

Очнулся Вишну – сидит он у пещеры, выжат досуха, как спелый гранат в чашу выжимают; одно сердце поет.

Будто и впрямь от смерти ушел.

Прислушался: в парне малая частица сура осталась. Захочешь дотянуться – дотянешься. И девичью честь вроде как сам нарушишь, и дом поставишь, и детей нарожаешь... и жизнь проживешь.

Настоящую.

Без обмана.

...с тех пор часто терся младший из братьев-Адितьев во Втором мире.

Возле людей.

Думал: а что бы сам сделал, будь он... думал – и делал.

Жил.

(Я машинально представил себя на месте малыша. Да, я понимал его. Теперь – понимал. Еще вчера, в Вайкунтхе, я сам стоял, глядя на безобразную драку ракшасов с Проглотом, и мысли складывались в слова:

"...мы, боги-суры, Локапалы-Миродержцы, со всеми нашими громами и Преисподней – как же мы мелки на подмостках Трехмирья в сравнении с тем же Гангеей Грозным! Мы притворяемся, когда он колеблется, мы лицемерим, когда он страдает, мы паясничаем, когда он рвет судьбу в клочья; мы задерживаем занавес и уходим пить сому, а он остается лежать на пустой сцене.

Навзничь.

Мы смотрим – они живут.

Божественные бирюльки – и смертная правда.

Молния из земли в небо.")

Звездный час Упендры, «малого Индры», как все чаще называли последыша любвеобильной Адити, пришел одновременно со страшным явлением Раваны-Десятиглавца. От Свастики Локапал полетели пух и перья, никто из богов не мог чувствовать себя в безопасности (разве что Шива, но это разговор особый); и у князей демонов тряслись поджилки при одном упоминании грозного имени Ревуна.

Неуязвимость надежно прикрывала царя ракшасов.

Неуязвимость от суров-асуров, ибо людей и животных могучий Равана презирал, не считая за соперников.

Свастика собралась на совет. Кубера-Кубышка, по отцу сводный брат мятежного ракшаса, пострадавший больше всех; Владыка Индра, позавчера выпущенный Раваной на свободу под залог; Петлерукий Яма, чьи киннары до сих пор собирали грешников-беглецов, смазавших пятки салом в последний приход Десятиглавца; Варуна и Лучистый Сурья, отделавшиеся формальным признанием своего поражения; остальные тоже пришли.

По всему выходило, что Локапалы бессильны. Согласно Закону. Баш на баш, Жар на неуязвимость; придраться не к чему. А натрави Свастика на Равану человека, да вооружи того соответствующей мощью, да окажи необходимое покровительство, да собери смертному мстителю войско, способное взять неприступный остров Ланку...

Смертность в Трехмирье – понятие относительное. В смысле, все там будем, одни раньше, другие – позже.

И «позже» отнюдь не всегда значит «лучше».

Не получают ли Миродержцы врага страшней прежнего: возгордившегося победителя?!

Вот тут-то и явился на совет малыш Вишну, предложив свои услуги. Услуги по опеке и присмотру за будущим смертным героем – который будет его, Вишну, аватарой.

Полной аватарой.

По старому, проверенному принципу: «А что бы сделал я на месте...» – и очень-очень сильно захотеть.

Так появился на свет Рама-Десятиколесничий⁴, наследник Солнечной династии, витязь из витязей. Которому Локапалы прощали все, чего иному в жизни не простили бы. Даже когда Рама подло убил из засады сына Индры от обезьяны, Валина-Волосача, вербуя себе звериное войско и не желая иметь полузверя-полубога соперником... Простил Громовержец. Глянул сквозь пальцы, хоть и любил лохматого сына. Позже говаривали: побоялся витязь силача-Волосача, во время оно таскавшего царя ракшасов в поднебесье, аки ястреб курицу. Возревновал к грядущей славе, вот и стрельнул из засады в спину, натравив предварительно другого царька обезьяньего. А на упрек умирающего Валина ответил: дескать, охотники всегда убивают зверей, нет здесь подлости, нет и величия.

Буркнув в завершение: «Ишь, мартышка, а туда же...»

Смахнул слезу Громовержец и промолчал над сыновним трупом во имя блага Свастики.

На земле бушевала гроза: рушились стены цитаделей Ланки, сходились в бою ракшасы, люди и звери лесные, закаятая стрела пронзала грудь Десятиглавца, отправляя его мятежную душу в пекло – а в далекой Вайкунтхе невменяемым призраком бродил малыш Вишну. Спрашивали – кивал, звали – шел, гнали – тоже шел, не трогали – сидел в саду на лавочке. Здесь он был, в райских сферах, хочешь – ущипни-потрогай; и не было его здесь. Впервые за века прозябания малыш дышал полной грудью, жил подлинной жизнью, и перед этой бурей страстей вся его жизнь прошлая выглядела сохлой жужелицей перед слоном в течке. Гордыня и могущество, поражения и победы, любовь и ненависть, дружба и предательство...

То, о чем мечталось.

Не касайтесь меня, сволочи, не будите, не тревожьте – мир спасаю!

Так бродяга, накурившись до одури дурман-травы «пуннага», отчаянно колотит по чужим рукам, что выдергивают его из сладостного забытья.

И даже когда Десятиколесничий Рама под конец земной жизни начал сопротивляться присутствию в нем постороннего, когда схватился с богом-надсмотрщиком в душе, схватился насмерть, совершая безумные на первый взгляд поступки... Вишну был рад и этому. Равана пал, Свастика осталась довольна, и теперь надо было тихо-мирно довести подопечного до логичного финала.

Герой сошел с ума, наломал дров, отрекся от престола и умер в лесу, на берегу реки Сарайю, при странных обстоятельствах.

Позднее вишнуиты падут ниц перед любимым богом в образе славного победителя ракшасов. Они в экстазе перепутают двух Рам, Раму Десятиколесничного и Раму-с-Топором, царя и аскета, объявив аватарами Вишну сразу обоих и присочинив историю о том, как Рама-царь в юности убил Раму-аскета. История будет выглядеть безумно нелепой, противореча времени и здравому смыслу, и именно поэтому быстро разойдется среди фанатиков.

Но это все случится потом.

А сейчас на берегу реки Сарайю лежит тело убийцы Ревуна, героя Рамы; и на лавочке в Вайкунтхе изумленно моргает темнокожий бог, возвращаясь к прежнему бесцветному существованию.

⁴ Десятиколесничий – Дашаратха (санскр.), родовое имя царей Солнечной династии, включая Раму, победителя Раваны.

(Я ожидал от Раваны иной реакции на исповедь малыша. Все-таки выслушать повесть об истинной подоплеке собственной гибели, о заговоре Локапал, о герое-марионетке на невидимых ниточках...

Огромный ракшас встал, подошел к замолчавшему малышу и опустил свою лапу на плечо Вишну.

Сжал пальцы.

И постоял немного.

Словно собрата по несчастью утешал.)

Возвращение было страшным. На первых порах Вишну грозил разводом жене, доводя Счастье до слез, рукоприкладствовал среди Летящих Гениев и хамил братьям, когда те являлись с благодарностью.

Позже отпустило.

И малыш принял решение. Улучив момент, когда Брахма-Созидатель и Шива-Разрушитель сошлись вместе для какого-то личного разговора, Вишну явился к ним с предложением.

В Первом мире для меня дела нет, сказал он. В Третьем – тоже. Все давным-давно поделено и расписано. Не мной и не для меня. А драться за место под братом-Сурьей или чесать пятки трехногому Стяжателью Сокровищ я не намерен. Ладно, оставим. Зато Второй мир живет без присмотра. Не оттого ли его чада вечно суют шпильки в толстые задницы суров? То герой, то аскет, то ракшас... Вот и приходится Созиданию все время бегать сломя голову, словно меняла-жучок по рыночной площади; а Разрушение непрерывно вострит трезубец, рискуя вместе с виноватым грохнуть и арбуду⁵-другую случайных зевак.

Предлагаю Опеку.

Мою Опеку над Вторым миром.

Соблюдение Закона для достижения Пользы.

Ну как?.. договорились?

Вишну был готов к отказу. Отказ удовлетворил бы его самолюбие: отказывают – значит, боятся. Ревнуют к будущему величию. Знают: где не вышло у них, матерых знатоков, выйдет у него, маленького да удаленького!

Вишну был готов к согласию. К шумному признанию его заслуг и достоинств, к пожиманию рук и буре восторгов, к выдаче соответствующих регалий, к суровому одобрению Шивы и слезам на щеках старенького Брахмы.

Он не был готов только к равнодушию.

– Да? – невпопад спросил Брахма, и четыре его лица разом сморщили четыре носа, словно Созидатель изо всех сил сдерживал чих. – А-а... ну ладно. Правда, Шива?

– Правда, – ответил Шива и стал кормить с ладони кобру-опояску.

Вишну еле сдержался, чтобы не плюнуть им под ноги перед уходом.

Впрочем, когда он при всей Свастике гордо назвался Опекуном Мира, смаху зачислив себя в Троицу (название было придумано здесь же, на ходу) – возражений не последовало.

Малыш проглотил обиду и рьяно взялся за дело.

Полными аватарами он больше не баловался. Это требовало практически всех сил души – и тогда он не мог хорошо отслеживать ситуацию здесь, наверху. Зато частичные аватары наводнили землю в опасных для здоровья количествах. Культ Вишну-Дарителя процвел, изрядно потеснив остальные культы. Аскеты вовремя соблазнились красавицами и имуществом, герои вовремя направлялись в нужное русло, цари больше не желали живьем попасть на небо Индры, выискивая для этого чрезмерно Жарообильных брахманов.

Но Вишну видел: Второй мир ярок и цветаст, порядка ж нет как нет!

⁵ Арбуда – сто миллионов.

И тогда малыш решил навести порядок.
Доказать им всем.
Кому «всем» и что именно доказать? – это он понимал плохо.
Всем.

(Я вспомнил: действительно, после самовольного возведения Упендры в Опекунский чин, у нас прекратились заботы со Вторым миром. Я имею в виду: крупные заботы. А мелочь – она и есть мелочь; иногда даже интересно.

Странно. Тогда я меньше всего сопоставил тишь да гладь с потугами малыша.
Думал: чем бы дитя ни тешилось...)

С этого момента и началось восстановление Великой Бхараты. Империи-идеала, населенной правильными людьми, преданными бхактами⁶ Опекуна Мира. Еще в самом начале своей земной деятельности Вишну подметил благотворное влияние людской любви на собственные возможности. Не зря же, в конце концов, он всю жизнь мечтал, чтоб его любили?! Шиву боялись, Варуну уважали, Индрой гордились... каждому свое. Его, Вишну-Дарителя, должны любить.

Пуще зеницы ока.
Если его правильно любить – он горы свернет.

...Вишну с самого начала подозревал: дело окажется сложным и будет пружинить в руках, сопротивляясь мастеру. Но он никогда и не думал, что сопротивление так его раззадорит. Гангея Грозный отказывается принимать на себя титул Чакравартина?! Оч-чень хорошо! Собственная кукла-аватара пахнет рыбой и рождает не там и не того?! Кого б ни родила – в дело! Всех в дело: больших и малых, замыслы и опровержения, друзей и врагов...

Игра захватила Опекуна целиком, постепенно становясь смыслом жизни.

Великая Бхарата, сама того не зная, собиралась по кирпичику. Камешек вызывал лавину, земли лепились одна к другой, плодилась и умирала Лунная династия, заранее готовя замену или свободные места, в Вайкунтхе драл истину в ключья «Приют Зловещих Мудрецов», подпирая Опекуна-труженика знанием скрытых пружин Мироздания; и ночами Вишну хорошо спал, устав за трудовой день.

Опека над тремя-четырьмя аватарами одновременно? – пустяки!

Он посвежел и окреп. Даже любимая супруга все чаще заглядывалась на законного муженька, словно заново открывая его для себя. А сам муженек был счастлив. У него было дело. Он был нужен.

Он – был.

И даже проклятия аватар или кое-кого из подопечных не смущали его.

...когда до завершения труда, как казалось Вишну, оставались последние шаги – он решился на серьезный поступок.

Ситуация требовала опеки более тщательной, чем раньше. Спуститься лично во Второй мир Вишну не мог себе позволить; обратиться к братьям или другим сурам за помощью означало разделить сладость триумфа с чужими. И малыш вспомнил историю с Десятиколесничным Рамой.

Он создал на земле полную аватару; человека с возможностями бога, находящегося под усиленной Опекой.

Так появился на свет Кришна Джанардана.

Черный Баламут.

Человек с богом в душе, царем в голове; и с камнем за пазухой.

⁶ Бхакты – «любовники» в основном значении.

Глава вторая

ПРИНАДЛЕЖИТ МАРОДЕРАМ

1

– Светает, – сказал я, чтоб хоть что-нибудь сказать.

Чуть не ляпнув: «Гляньте-ка на восток!»

Подобное заявление в устах Локапалы Востока могли счесть в лучшем случае самолюбованием; в худшем – помешательством.

Востока для Обители Тридцати Трех не существовало.

Но рассвет близился на самом деле. Пространство зябко ежилось, втайне ожидая прихода колесницы Суры, огни светильников меркли от усталости, тени с проворством отползали в углы; и пронзительные глаза Раваны медленно переставали светиться зелеными плошками.

– Я в него, гада, душу вкладывал, – еле слышно прошептал Вишну, кутаясь в заблаговременно принесенное апсарами одеяло. – А сейчас выну... собственными руками!.. если поймаю, конечно.

– Если он тебя раньше не поймает, – булькнул тактичный Жаворонок, почесывая плешь обкусанным ногтем.

Оба, ясное дело, имели в виду Черного Баламута, рыбку, сумевшую порвать лесу у божественного рыболова.

Мой замечательный Наставник, кряхтя, поднялся на ноги и проковылял к выходу из беседки. Оперся плечом о резной столб и задумчиво уставился вдаль. По выражению его морщинистой физиономии было ясно видно: ничего хорошего он в этой дали не наблюдает.

– Что ж, Опекун, – протянул Словоблуд и стал, как никогда, похож на самца кукушки, кукующего всем последний год жизни. – Сейчас мне кажется, что проклинал я собственного сына – а угодил в тебя. Впрочем, проклятий на твоём веку хватало и без моих стараний. Ты получил то, чего хотел. И твой триумф стал твоим величайшим поражением. Мы свидетели.

– Я никогда не обращался к тебе за советами, – гордость и обида говорили сейчас устами малыша. – И правильно делал.

– Ну-ну... Ты полагаешь, я должен обидеться? Или прыгать от счастья горным таром⁷, узнав, что Эра Мрака – результат забав самолюбивого подростка, а не злая воля мудрого негодяя?! Ошибаешься, Опекун. Стар я прыгать, даже пускай от счастья... у старости – свои привилегии. Ты хоть понимаешь, кого создал, делая Баламута своей полной аватарой?

Не дождавшись ответа, Словоблуд скорбно хмыкнул и покосился на сына. Жаворонок, мудрец наш зловещий, выразительно кивнул отцу и развел руками. Уж он-то наверняка понимал, что хотел сказать Брихас. Он понимал. А я нет. И Гаруда с Раваной – нет. И Матали тоже уныло хлопал длиннющими ресницами. Поэтому я весьма обрадовался, когда Словоблуд решил развить свою мысль.

Для особо тугоумных.

Но вместо внятного истолкования Наставник вдруг затянул противным дребезжащим тенорком, на манер даже не жреца-взывателя, а пьяненького пандита из захудалой деревеньки:

– Я люблюсь беспредельным могуществом того, чью мощь не измерить, и с почтением бережно принимаю к себе на голову его славные стопы с медно-красными подошвами и пре-

⁷ Тар – горный козел весом до 100 кг.

красными розовыми пальцами! Это существо непостижимое и удивительное, творящий и преобразующий всесозидатель, пречистый и высочайший, безначальный и бесконечный, вездесущий, нетленный и неизменный! Даже боги не знают такого, кто мог бы постичь сего мужа!

Брихас закашлялся (видно, последнее заявление встало ему поперек горла) и надрывно закончил, утирая слезы:

– Тот, о ком идет речь – это Баламут, у него огромные продолговатые глаза, и облачен он в желтое! Ом мани! Слыхал такую песенку, Опекун?!

– Ну, слышал, – буркнул малыш, отводя взгляд. – И что с того? Я эту песенку сам в народ запустил...

– А то, – голос Брихаса вдруг стал звонок и суров, – что финал у песенки грустный. «Я – пламя конца мира, Я – князь конца мира, Я – солнце конца мира, Я – ветер конца мира!» Нравится?! Не ври: вижу, что нравится... вернее, нравилось. Раньше. Помню, ты просто патокой истекал, когда слышал байки о твоей наипоследнейшей аватаре, символе гибели Вселенной! Нет, я не о Кришне! Я имею в виду этот дурацкий образ судии Калкина-Душегуба на бледном коне со взором горящим! А судия уже шел! явился! баламутил! Вот так-то, Опекун...

Краем глаза я увидел, как напрягся малыш. Даже лицо у него вытянулось, став пепельно-серым. Слова Наставника зацепили в братце Вишну какую-то тайную струнку, и теперь струнка билась, истекая малиновым звоном.

Да и мне, признаться, было стыдно: прежде я и сам любил послушать на сон грядущий о явлении Калкина-судии.

Этакой Кобыльей Пасти, Эры Мрака и трезубца Шивы в одном существе.

Меня восхищала фантазия малыша, который сумел придумать столь потрясающую чушь; придумать и заставить многих поверить в нее.

– Скажи, Владыка, – Словоблуд обращался уже ко мне. – Вот ты вдруг выясняешь, что ты со всей твоей мощью, бурей и натиском был всего-навсего вылеплен неким умником. Из недолговечного дерьма. С единственной целью: таскать для умника из огня каленые орехи. Народ вокруг восхищается: ах, Индра, ох, Индра, Стогневный-Стосильный, твердыни щелкает, как семечки, баб табунами портит... А ты-то знаешь: вранье. Все вранье, от начала до конца. И гнев не твой, и сила заемная, и твердыни подставлены, и бабы подложены. Чужой жизнью живешь, краденой; нет, хуже – подаренной. Сброшенной в грязь с барского плеча. А захочешь увильнуть от клятого предназначения – дудки! Умник-то не только снаружи, он внутри, в тебе, в твоей душе, в твоём теле! Разом поводья перехватит: иди, Индра, куда велено, под восхищенный ропот...

Словоблуд перевел дух и вкрадчиво поинтересовался:

– Ну и кого ты, о Владыка, шарахнешь ваджрой при первой же подвернувшейся возможности?!

Можно было не отвечать.

Ответ был написан у меня на лице; лице, которое третий день как перестало соответствовать божественным канонам.

– Не понял? – раздалось из одеяла.

Малыш врал.

Все он прекрасно понял.

– Ты хотел, чтобы тебя все любили? – спросил Брихас у малыша. – Кришну любили все. Любовь придавала тебе сил? Ему она придавала тоже. Тебе нравилось, когда тебя славят? Его славили в миллионы глоток, с самого рождения, а ты еще и подбавлял огоньку, заявляя повсеместно, что он – это ты. И был прав. Он – это ты-идеал. Хрустальная мечта Опекуна Мира во плоти. Ты воспроизвел сам себя. Со своей гордыней. С жадой славы. Со страстным желанием доказать всем свою исключительность. С умением находить лазейки в цитадели Закона. С талантом делать людей аватарами, вкладывая частицу себя... Ты хотел, чтобы Кришна завер-

шил твою работу и тихо отошел в мир иной, оставив тебя принимать поздравления?! После того, как его – ЕГО! – величали Господом?! Это не Кришна – Черный Баламут. Это ты – Черный Баламут. А Кришна – только твое отражение! Лучшее, чем оригинал, но отражение! Он второй, понимаешь, на веки вечные второй... и при этом он – ты. Чего бы ты захотел, окажись на его месте?!

Малыша просто выгнуло дугой.

Мне даже показалось, что он опять ощутил связь со своим земным двойником.

– Правильно, – тихо закончил Словоблуд. – Второй, ты захотел бы стать первым. Единственным. Самим собой. Вот и он захотел. Бог по рождению, ты возжелал реальной власти? Смертный по рождению, возжелал и он – но стократ сильнее! Ты мечтал навести порядок во Втором мире, чтобы суры-асуры восхитились твоим талантом и склонили головы?

Пауза.

Секунда тишины, заполнившей Обитель до краев – золотая чаша беззвучия.

– Вот и он, Кришна Джанардана, в свою очередь решил навести порядок. Чтобы восхитились и склонили. Только, боюсь, Вторым миром он не ограничится. Иной размах, не чета тебе, малыш... Он решил навести порядок по-своему, начиная сверху. С того места, откуда растут его поводья. Потому что рыба гниет с головы. Суры-асуры, новый мир на пороге! Не знаю, как Калкин-Душегуб, последний судия; но грядет Господь Кришна!

Я почувствовал, как дыхание мое помимо воли наполняется грозой. Ладони вспотели, словно я держал в руках что-то до безумия хрупкое и боялся раздавить; беседка растворилась в тумане воспоминаний, и вокруг явилась поляна леса Пхалаки. Место, где я позавчера встречался с собственным сыном, с Обезьянознаменным Арджуной-Витязем – но встретился сперва с золотушным ракшасом, а затем с насмерть перепуганным человеком, добровольно оскопившим собственную душу. Ибо отречься от любимого прозвища, от чести и гордости ради Пользы и служения... мальчик мой, наверное, только я понимаю, чего это стоило тебе, сыну Громовержца.

Да, я понимаю – но еще я помню.

Мы оба помним:

– Образ ужасен Твой тысячекий,
тысячерукий, бесчисленноглазый;
страшно сверкают клыки в твоей пасти.
Видя Тебя, все трепещет; я – тоже.

Внутри Твоей пасти, оскаленной страшно,
воины спешно рядами вступают;
многие там меж клыками застряли —
головы их размозженные вижу.

Ты их, облизывая, пожираешь
огненной пастью – весь люд этот разом.
Кто Ты?! – поведай, о ликом ужасный!..

И издали откликнулся гибельный ветер, вздох огненной пасти, что явилась в Безначалье трем Миродержцам из восьми; веселый голос с Поля Куру:

Устремившись ко Мне, все деянья
Возложив на Меня силой мысли,
В созерцанье Меня пребывая,

Всем сознанием в Меня погружайся.

Бхакт Мой! Будь лишь во Мне всем сердцем!
Жертвуй Мне! Только Мне поклоняйся!
Так ко Мне ты придешь, Мой любимый,
Я тебе обещаю неложно...

В следующий миг, властно сбрасывая наваждение, меня настиг призыв Свастики Локапал.

Я встал, раскинув руки крестом, волна Жара прошла насквозь и укатилась в колыбель Прародины; «Хорошо есть...» – начал было я, внутренне содрогаясь и понимая, что не смогу сейчас завершить возглас Тваштара-Плотника, как должно.

«И хорошо весьма!» – подставил плечо чужак во мне.

Возможно, он что-то предчувствовал.

Или просто издевался.

* * *

– ...Поле Куру открыто для посетителей, – сказал я всем чуть позже. – Великая Битва закончилась.

И Вишну заплакал.

2

Джайтра, колесница моя золотая, садилась медленно, с опаской, пробуя землю краем переднего правого обода. Боялась, что хитрая Курукшетра просто затаилась дымчатым леопардом, и вот-вот вспучится навстречу прежним нарывом, сомнет, опрокинет, раздавит всмятку... Нет, обошлось. Сели. Гнедая четверка фыркала, косясь по сторонам, стригла воздух ушами, и Матали приходилось время от времени щелкать бичом – иначе лошади норовили взмыть обратно, в спасительные небеса.

Брихас, стоя в «гнезде» рядом со мной, молчал и кусал губы.

Остальных я брать не стал. Да и не очень-то они стремились сюда, на Поле Куру, эти остальные. Раване с его ракшасами вся Великая Битва (тем паче закончившаяся) была до голубого попугая; братец Вишну хорохорился, собираясь всех на клочки-тряпочки, но было прекрасно видно – Опекун еще не оправился от потрясения. И вдобавок дико боится встречи лицом к лицу с блудной аватарой.

Ну а Лучший из пернатых, ясное дело, остался нянькой при любимом хозяине.

Гораздо труднее было отделаться от моих головорезов облаков. Дружина твердо решила сопровождать своего Владыку, во избежание и при полном параде. Упорствовали до последнего. Пришлось наорать на Марутов, пригрозить десятникам понижением в звании и даже грохнуть разок-другой перуном оземь. При этом мне почему-то казалось, что я не перуном грохаю, а топаю ногой, подобно обиженному малолетке. Ох, много чего мне казалось в последнее время... Дружина затихла, подозрительно перемигиваясь, я еще раз рывкнул, что в опеке не нуждаюсь, и ускорился.

Сейчас же, глядя на небо, я видел невинные компании тучек-штучек – подсвеченные изнутри, они вальяжно фланировали над головой туда-сюда, кичась золотыми венцами, и в сумрачной пушистости нет-нет да и погромыхивало.

Патрулировали, сукины дети.

На всякий случай.

Каюсь: на душе от этого становилось спокойнее.

Смрад стоял невыносимый. Впору свалиться в обморок. Матали еле дождался, пока я и Брихас спешимся. После чего мигом стал перегонять упряжку за дальние холмы – лошадей била мелкая дрожь, с губ срывались клочья пены, и спины животных взмокли от пота. Я одобрительно кивнул и, в сопровождении бесстрастного Словоблуда, двинулся вперед. Делая вид, что зашел сюда случайно и теперь прогуливаюсь от нечего делать. Один я, что ли, такой?.. хорошо бы, если один.

Увы.

Вся Свастика была в сборе.

Здесь, на Поле Куру.

И все Локапалы дружно делали вид, что зашли случайно и не замечают остальных.

...Лучистый Сурья навис низко-низко, заклинив колесницу в ближайшем просвете между облаками. Перегнувшись через борт, мой брат внимательно оглядывал юго-восточную ложбину: там уже который раз с оглушительным грохотом рвались трупы слонов – на жаре их расперло до барабанного звона, и шкуры «живых крепостей» не выдерживали. Ниже спуститься Сурья не мог, иначе нам бы не осталось ничего для рассмотрения.

И венец-кирита Солнца был тускло-багровым.

...Семипламенный Агни вспыхивал то тут, то там, ковыряясь в спекшейся массе тел, язычками протискиваясь в щели между обугленными костями и жадно вылизывая драгоценный металл расплавленных украшений. Поблизости от Пожирателя Жертв смрад ослабевал, сменяясь просто горячим воздухом; я заметил, что машинально стараюсь подойти поближе – и сдал в сторону.

Разговаривать с Семипламенным не хотелось.

Агни был расстроен до крайности, хотя к скорбному пламени, рухнувшему на несчастных, не имел даже малейшего отношения.

Похоже, он еле удерживался, чтобы не превратить всю Курукшетру в очистительный погребальный костер... но знал: не поможет. Душам погибших не поможет. Взъярись Пожиратель Жертв, пройди диким смерчем по телам – а толку-то?!

Души ведь все равно никуда не являются, ни в рай, ни в ад...

В нетях числятся.

...Куберу носили в паланкине шестеро якшей-страхолюдин, вооруженных до зубов. Один раз Стяжатель Сокровищ откинул занавеси, высунулся и уставился единственным глазом на труп копейщика в легком доспехе. Убитый прекрасно сохранился, лежал почти как живой, приоткрыв в изумлении рот – и голошей стервятник деловито выклевывал копейщику язык.

Кубера мигом скрылся в паланкине, и почти сразу оттуда донеслись странные звуки: то ли Кубера рыдал, то ли его тошнило.

Стервятник озабоченно поднял лысую голову, каркнул и вернулся к прерванному занятию.

...Ваю-Ветер вздымал груды пепла, носясь с места на место. Его появление пугало осмелевших было шакалов, и звери бросали терзать добычу, встревоженно твякая. Но шакалы интересовали Дыхание Вселенной в последнюю очередь. Что-то он искал, веселый Ваю, забывший о веселье, что-то позарез было ему нужно... нашел. И замер, отчего смрад резко усилился.

Я пригляделся.

Да, несомненно. Помню. Это случилось пять-шесть дней тому назад, и я еще любовался битвой сверху, из «гнезда» Джайтры, крича «Превосходно!» во время особо увлекательных стычек. Это произошло именно там, где сейчас замер Ваю.

Именно там Пандав убил Каурава; Бхима-Страшный – Духшасану-Бешеного. После чего победитель на глазах у всех, сторонников и врагов, вспорол шейную вену у поверженного двоюродного брата и жадно напился его крови. Бхима стоял тогда, напоминая торжествующего ракшаса, сражение вокруг него на миг прекратилось, бойцы обеих сторон со страхом взирали на кровопийцу, а сын Ветра смеялся.

И мне слышались отголоски того смеха пополам с кровью, когда Дыхание Вселенной тихонько вздохнул.

...Петлерукий Яма помахал мне рукой, когда я приблизился. Правой, с удавкой, росшей из обрубка. Он стоял вместе с Варуной-Водоворотом, своим дядей, о чем-то захлеб споря. Единственные, кто не притворялся случайными путниками. Наверное, потому что в пучинах зеленоволосого Варуны по его личному требованию был открыт отдельный мир для погибших в битвах асуров; прямо рядом с резервацией данавов-гигантов. Преисподняя? рай? кто знает?! Во всяком случае, именно Варуна судил последних за грехи и властной рукой раздавал наказания или милости. Мы же не вмешивались. Он старший, ему видней.

В этом они с Адским Князем были схожи.

Судьи.

И еще мы все трое были схожи в другом: нам, Локапалам Востока, Юга и Запада, являлась в Безначалье глумливая пасть из огня.

Нас преследовала виденьями гибель трех столичных воевод: Гангеи Грозного, Наставника Дроны и Карны-Секача.

– Быть не может! – донесся до меня обрывок их спора. – Мало ли что воплощения! Все мы в каком-то смысле...

Я ответно помахал рукой, но подходить и принимать участие в споре не стал.

Все мы в каком-то смысле... а я за эти дни навидался всякого, и ни о чем не мог с уверенностью сказать: «Быть не может!»

...у распадка, где из обломков колесниц громоздился чуть ли не крепостной вал, угрюмо бродил истощенный сур в одеждах шафранового цвета. Сом-Месяц раньше почти никуда не являлся лично, но сегодня изменил правилу. Узкое лицо Сомы было непроницаемым: видно, привык смотреть ночами на затихшую Курукшетру, которая в минуты перемирия мало чем отличалась от сегодняшнего зрелища.

О чем он думал в тот момент?

Не о том ли, что еще две-три таких Великих Битвы – и ему придется веками взирать на обезлюдевший Второй мир?!

О поле, поле, чтоб тебя...

«Принадлежит мародерам, – неожиданно вспомнил я. – Поле боя после сражения принадлежит мародерам.»

Вся Свастика была в сборе.

Здесь и сейчас.

И любой из Миродержцев чувствовал: нарыв, опухоль в ауре Трехмирья, никуда не делся.

Просто стал меньше и стократ плотнее; стоило лишь вслушаться, дать Жару вольно пройти через себя, и сразу становилось ясным – нарыв рядом.

На северо-востоке.

Близ места, где давным-давно стоял ашрам знаменитого Рамы-с-Топором.

Наверное, там располагался лагерь победителей.

3

Странное ощущение посетило меня. Будто тоненькие паутинки исподволь вросли в мои ступни, соединив Индру с Полем Куру. Я замедлил шаги, а неугомонная паутина сразу воспользовалась этим: дрожь пронизала колени, брызгами устремила к бедрам... в паху заколело, а живот заледенел скользкой глыбой.

Что за бред?!

Я остановился.

Голова вдруг стала пустой и легкой, смрад отступил, сменившись острым запахом пота, лошадиного и человеческого; и уши резануло близким посвистом.

Я помотал головой, и наваждение исчезло.

Чтобы вернуться вновь.

Только на сей раз добавились отдаленные вопли, рев боевых раковин, и земля под ногами качнулась колесничной площадкой.

Шаг.

Наваждение ослабевают, но не исчезает.

Шаг... другой... тепло... теплее... горячо...

Жарко!

...проклятые чедийцы! Облепили саранчой, пешей саранчой с усиками-дротиками и стегаными плащами вместо крыльев; мечутся, вопят, кидаются под копыта... Лук поет в руках, и некогда менять иссеченный нарукавник из воловьей кожи. Колесница подпрыгивает, когда колесо переезжает еще живого ублюдка с отсеченной ногой, и пущенная мной стрела лишь жалко взвизгивает, бороздя эмаль щегольского панциря... жаль! Он уходит, уходит с позором, но живой; так я обещал своей матери-суке, но я не обещал, что дам ему уйти, прежде чем получу полное удовольствие.

Гони, возница!

Или нет: прыгай в «гнездо», а я сам возьмусь за поводья!

Бич?... мне?... зачем мне бич?!

Сутин Сын выходит на финишную прямую... ах, славно!

Вот он, беглец, вот он уже рядом, виляет заячьей скидкой, взмок от смертного пота, и чедийцы разбегаются из-под колес, хрипя свою тарабарщину! Я перехватываю поводья в одну руку и бью его ненатянутым луком, по плечам, по спине, по загривку, бью на глазах у всех, хлещу, гоню, как гонят скотину на пастбище; я – пастырь надменных полубожков, и красная пелена в глазах...

Я задохнулся, когда тишина мягкими ладонями ударила меня по ушам.

Но паутина уже обволокла все тело изнутри, вкрадчивыми усиками зацепилась за все, до чего сумела дотянуться, и ноги окончательно перестали слушаться Индру, Локапалу Востока. Они двигались сами, эти упрямые ноги, они искали тот единственный участок Курукшетры, где им будет позволено остановиться!

Позади о чем-то спрашивает Словооблуд, но мне не до него.

Уймись, Наставник!

Сейчас я – охотничий пес, взявший след.

Что?!... я, Владыка – пес?!

Шаг.

Тепло... теплее...

...умирает! Они рвут его на части, моего сына, моего Вришасену, Быка-Воителя, а я ничего не могу сделать! Стрела не хочет выдергиваться из плеча, зазубренное жало грозит порвать мышцы, и я ломаю ее, чтобы оперенье не мельтешило перед лицом, сбивая прицел. Боль молчит, испуганно забившись в самый дальний угол сознания; боли нет, ничего нет, только гнев и бессильная липкая ненависть, от которой хочется выть на все поле.

Мальчик мой!.. я иду, я сейчас, держись, подожди немного... я уже...

И когда Обезьянознаменный хохочет, схватив моего истерзанного сына за волосы и изда-лека показывая мне кривой нож – я не выдерживаю. Губы движутся сами, рождая слова без посредников, без разума-советчика и сердца-подстрекателя, вопреки запретам, попраным нашими противниками с самого начала битвы. Этого нельзя делать, но и не делать этого нельзя; губы трескаются от страшных слов, кровь солона, она щекочет небо, и небосвод послушно взрывается стальными осколками, которые секут, рубят, расшвыривают живую грязь передо мной – мальчик мой!.. я уже...

Шаг.

Я даже не заметил, что бегу.

Судороги вяжут из тела замысловатые узлы, ноги подкашиваются, сознание захлестывает пенный прибой, где поровну недоумения и настойчивой потребности отыскать, найти, встать на единственном месте Курукшетры, где я...

Где я – что?!

Я налетаю на Адского Князя, чуть не сбив его с ног, и краем глаза успеваю заметить: рослый, плечистый Яма вздрагивает, как от пощечины. Словно мое прикосновение вселило и в него призрак охотничьего пса. Сегодня Яма зачем-то побрил голову, оставив лишь на макушке длинный чуб буро-красного цвета. Чуб свисает к левому плечу, Адский Князь дергает его раз, другой – и начинает бессмысленно бродить кругами по полю.

Бессмысленно для остальных.

Я смеюсь.

Мы-то с ним знаем тайным, ускользающим знанием: так надо. Мы, да еще зеленоволо-сый Варуна, который присоединяется к нам минутой позже. Маленький, жилистый Повелитель Пучин, чьи волнистые кудри обильно пятнает пена седины – он выглядит самым старым из нас; да он и есть самый старый, он вынырнул из той бездны времен, когда мама-Адिति была еще веселой девчонкой и даже рожала, наверное, от собственного мужа...

Трое Локапал мечутся по Полю Куру. «Мертвецкое коло», лишенное завершения. Восток, Юг и Запад. Гроза, Смерть и Пучина. Два брата и племянник. Сумасшедшая Троица, связанная темными узами, сути которых до конца не понимает ни один из нас. А сверху удив-ленно глядит Лучистый Сурья, он глядит, и в печальных глазах Сурьи мне мерещится стран-ное понимание. Чушь, бред, этого не может быть! Но я вскоре прекращаю думать о глупостях, потому что ноги сами несут меня к высохшему руслу ручья. Земля тут перепажана, и убитых почти нет, будто сражение тщательно избегало этого места; ноги несут меня, ноги-предатели...

...предатель! Ах, я дурак! Еще смеялся, когда мне буквально навязали этого воз-ницу-царя, этого прохвоста! Спорил с ним, когда он, правя моей же колесницей, предрекал мне смерть, а белому кобелю Арджуне – неминуемую победу!

Колесо ударяется о вросший в землю валун. Повозка кренится, лошади истошно ржут, вынужденно повинуюсь предательским поводам... и кровавая тряпина, в которую превратился ручей, надежно поглощает обод до середины.

Почему Арджуна не стреляет?!

Почему?!

Я смотрю на возницу-изменника и вижу страх в его глазах. Он что-то понял, что скоро пойму и я... пойму... скоро...

Ступни прожгло острой болью. Чужак вставал во мне в полный рост, это было мучительно больно, но я отдавался ему, как отдаются апсары: искренне и бескорыстно. Дыхание самовольно наполнилось грозой, налетевший ветер взъерошил волосы, превращая их в диadem, вихревой венец; на самых задворках сознания что-то кричал Словоблуд, пытаюсь остановить... тщетно.

– Хорошо есть?! – спросил я у Курукшетры, вспаханного войной поля, притихшего в ожидании страшных всходов.

– Хорошо есть?! – спросил я у Черного Баламута; у нарыва, в чью броню мы с чужаком бились наотмашь, всем телом, одним на двоих; у гнойного чирья, пульсирующего сейчас на северо-востоке.

– Нет, действительно: хорошо есть?! – спросил я у последних трех дней, у безумия и небылиц, у встреч и прощаний, у знания, от которого першило в горле, и у Калы-Времени с ее треснутым кувшином.

Они опоздали.

Замешкались, в результате чего ответ «и хорошо весьма!» так и не прозвучал.

Я расхохотался, заставляя воды Прародины в Безначалье вздыбиться ошалелыми лошадьми; и молния ударила из земли в небо.

Неправильная молния.

Наоборотная.

4

Я ворвался в Обитель, как врываются во вражескую крепость.

...Одна-единственная дверь, сомкнув высокие резные створки, красовалась по правую руку от меня, и я прекрасно знал, что именно ждет меня за одинокой дверью.

Нет, не просто помещение, через которое можно попасть в оружейную.

Мавзолей моего великого успеха, обратившегося в величайший позор Индры, когда победитель Вихря-Червя волею обстоятельств был вынужден стать Индрой-Червем. Так и было объявлено во всеуслышание, объявлено дважды; и что с того, что в первый раз свидетелями оказались лишь престарелый аскет и гордец-мальчишка, а во второй раз бывший мальчишка стоял со мной один на один?!

Червь – он червь и есть, потому что отлично знает себе цену; даже если прочие зовут его Золотым Драконом! Как там выкручиваются певцы: лучший из чревоходящих? Вот то-то и оно...

Словно подслушав мои мысли, створки двери скрипнули еле слышно и стали расходиться в стороны. Старческий рот, приоткрывшийся для проклятия. Темное жерло гортани меж губами, изрезанными морщинами. Кивнув, я проследовал внутрь и остановился у стены напротив.

Все повторялось, и начало дня первого смыкалось с началом дня третьего, переплетаясь телами изголодавшихся любовников.

На стене, на ковре со сложным орнаментом в палевых тонах, висел чешуйчатый панцирь. Тускло светилась пектораль из белого золота, полумесяцем огибая горловину, и уложенные внахлест чешуйки с поперечным ребром превращали панцирь в кожу невиданной рыбы из

неведомых глубин. О, я прекрасно знал эту чудо-рыбу, дерзкого мальчишку, который дважды назвал меня червем вслух и остался после этого в живых! – первый раз его защищал вросший в тело панцирь, дар отца, и во второй раз броня тоже надежно защитила своего бывшего владельца.

Уступить без боя – иногда это больше, чем победа.

Потому что я держал в руках добровольно отданный мне доспех, как нищий держит милостыню, и не смел поднять глаз на окровавленное тело седого мальчишки. Единственное, что я тогда осмелился сделать – позаботиться, чтобы уродливые шрамы не обезобразили его кожу. И с тех пор мне всегда казалось: подкладка панциря изнутри покрыта запекшейся кровью и клочьями плоти. Это было не так, но избавиться от наваждения я не мог.

А мальчишка улыбался. Понимающе и чуть-чуть насмешливо, с тем самым затаенным превосходством, память о котором заставляет богов просыпаться по ночам с криком. Ибо нам трудно совершать безрассудства, гораздо труднее, чем седым мальчикам, даже если их зовут «надеждой врагов сына Индры»; и только у Матали, да еще у бывалых сказителей, хватает дыхания без запинки произнести эту чудовищную фразу.

Именно в тот день Карна-Подкидыш стал Карной-Секачом; а я повесил на стену панцирь, некогда добытый вместе с амритой, напитком бессмертия, при пахтании океана.

Ах да, еще серьги... он отдал мне и серьги, вырвав их с мясом из мочек ушей – что, собственно, и делало его Карной, то есть Ушастиком! Он отдал мне все, без сожалений или колебаний, и теперь лишь тусклый блеск панцирной чешуи и драгоценных серег остался от того мальчишки и того дня.

Обитель Тридцати Трех пела хвалу удачливому Индре, а у меня перед глазами стояла прощальная улыбка Секача.

Как стоит она по сей день, всякий раз, когда я захожу в этот мавзолей славы и позора.

Я, Индра-Громовержец.

Индра-Червь.

Но сейчас улыбка Секача показалась мне чуточку грустной.

* * *

Я протянул руки и взял серьги. Они висели на бархатной подушечке, рядом с панцирем. Подышал на них, и сердолики в платиновой оправе налились глубоким багрянцем. Ювелиры долины Синдху умудряются варить золотисто-коричневые камни, и получают в результате именно такой цвет, густой и теплый, как кровь. Впрочем, мастерство умельцев Второго мира здесь ни при чем. Гоня прочь досужие мысли, я молча смотрел в багрянец, а потом сделал то, что должен был сделать. Серьги крепились к ушам зажимами «когти гридхры» и, когда я позволил «когтям» вцепиться в мочки моих ушей...

Я ослеп и оглох. Странно, но сперва мне это даже понравилось. Тьма и тишь окутывали меня жарким покрывалом в тысячу слоев, все исчезло в пуховой бесконечности, лопнул нарыв Курукшетры, ушли в забытие горести с заботами – и лишь пальцы мои продолжали шарить по ковру вслепую.

Жарко... тепло... холодно!

Холод металла.

Вот он, панцирь с пекторалью белого золота, залог подлости и источник видений. Давным-давно, когда мир был молод, а я – так и вовсе юн, мне довелось стоять над вспаханным океаном, держа в руках этот панцирь и серьги. Вместе с иными дарами. Естественно, серьги

были мне без надобности, их я подержал в руках и с согласия братьев подарил маме-Адити; а к панцирю мигом воспылал страстной любовью. Увы, безответной. Брихас напрочь отсоветовал мне брать чудесный доспех, не объясняя причин, но с отвратительно хмурым лицом. Хуже грозовой тучи над Гималаями. Скрепя сердце, я согласился с Наставником – и панцирь попал к Лучистому Сурье. А я от душевного расстройства нахватал даров сверх меры: Обитель тогда приобрела скакуна Уччайхшраваса, Слона-Земледержца Айравату, сажены пожелай-деревьев, десяток первородных апсар... помню, Варуна взял себе одно белое опахало и смеялся, глядя на жадину-Громовержца...

Вот он, доспех-мечта и доспех-позор, чьи пути неисповедимы.

Я разделся догола.

Наверное, даже безумцу никогда не приходило в голову одеть латы на голое тело, но сейчас я знал: так надо.

Так и только так.

А возиться с застежками мне не пришлось.

Холод обволок мое туловище намоченной в роднике простыней, ледяным взрывом откликнулись серьги, когтя уже не мочки ушей, а душу, сокровенную сердцевину; я беззвучно закричал и выгнулся дугой – но лед-обманщик мгновенно превратился в пламя Кобыльей Пасти.

Зной.

Мороз.

Экстаз уничтожения.

Стеклянные ножи полосуют тело, дробя его на осколки неведомой мозаики, и руки судьбы начинают властно собирать осколок к осколку.

Обламывая упрямые края.

Грешником, ввергнутым в пекло, стоял я, Индра-Громовержец, Владыка Тридцати Трех, а панцирь хищно корчился, мириадами корней врастая в мое тело, из доспеха становясь второй кожей, которую теперь можно было содрать лишь вместе с жизнью.

Жизнью Индры-Громовержца.

Жизнью Карны-Подкидыша по прозвищу Секач.

5

Прежде чем перестать быть собой, я успел улыбнуться.

Книга вторая КАРНА-ПОДКИДЫШ ПО ПРОЗВИЩУ СЕКАЧ

Сурья сказал:

– Если, о Карна, ты отдашь Индре свои дивные серьги, с которыми ты родился – кончена твоя жизнь! Смерть будет витать над твоей головой. Пока ты владеешь серьгами и панцирем, о дарующий гордость, в бою ты неуязвим для врагов. Запомни мои слова!

Карна ответил:

– Да не погибнет слава моя, разнесшаяся в трех мирах! Такому, как я, не подобает спасать жизнь ценою бесчестья. Лучшее – достойная смерть, которую люди оценят. Принесу ли я себя в жертву во время битвы, свершив ратный подвиг, или, наоборот, одолею в бою недругов – все равно я достигну славы и смогу защитить робких, просящих пощады на поле брани; а также избавлю от великого страха стариков, детей и дваждырожденных. Я сберегу честь, пусть даже ценою жизни – таков мой обет.

***Махабхарата, книга Лесная,
сказание о том, как Индра отнял серьги у Карны;
шлоки 19-20 и 32-39***

Часть первая ПОДКИДЫШ

Среди творений наилучшими считаются одушевленные, среди одушевленных – разумные, среди разумных – мужчины наилучшие, среди мужчин – дваждырожденные, среди дваждырожденных – те, кто обладает развитым пониманием; а среди обладающих развитым пониманием – читатели этих строк наилучшие, и таково общее мнение!

Глава первая БРОСЬ СЕРДЦЕ В ВОДУ

1

КОРЗИНА

...река. Струится, течет в неизвестность, колебля притаившиеся в заводях венчики лотов; и тростники качаются под лаской ветра. Да, именно река и именно тростники. Вон селезень плывет. Толстый, сизый, и клюв разевает – небось, крикает. Только не слышно ничего. И тростники совсем близко, качаются у самых глаз, будто я не Индра, а какая-то водомерка над речной стремниной. Или труп, раздутый утопленник, которого воды влекут невесть куда и невесть зачем.

Индра?!

Какой-такой Индра?!

При чем здесь Индра?..

Ни при чем.

Просто так, на язык подвернулось.

Река. Тянет сыростью, волны плещут, лаская друг дружку, а по берегам стелется незримо межа за межей: земли ядавов, вришнейцев, бходжей... Настрогали люди простор ломтями, рассыпали крошками, и теперь, как воробы, дерутся из-за каждой. А реке все равно. Ей без разницы: бходжа ты или ядав! Входи, купайся, уноси воду бадьями, рви лилии с кувшинками, рыбу лови... брось чего-нибудь – унесет.

Недаром говорят: бросай добро в воду – против течения выплывет.

На то и река. Верней, приток.

Конский Ключ называется.

Плывет по Конскому Ключу корзина. Большая корзина, бабы в таких белье стирать носят. Ивовые прутья бамбуковой щепой перевиты, волокно к волокну, дно цельное, а сверху крышка. Захлопнута плотно, и три дырки, как три Шивиных глаза, просверлены. Зачем? кто знает... Значит, надо. Плыви, корзина, качайся на волнах, пока не прибьет тебя к берегу или не растащит водой во все стороны.

Влился приток в родной плес, стала из Конского Ключа – Душица. Воды в Душице поболее, волны поигривей, закачало корзину, повело боком, опрокидывать стало... нет, обошлось. Плывет. И любопытная плотвичка в дно носом тычется. А по берегам уже иные земли: уголья матсьев и сатватов, Нижняя Яудхея... Мало-помалу и до ватсов-краснозубых добра-

лись. До их джунглей, где радуешься дважды: если повезет зайти в этот рай и если повезет выйти из этого ада.

Вот Душица в багряную Ямуну влилась; разбавила кровь слезами.

Плывет корзина.

Не тонет.

Солнце сверху смотрит, золотые руки тянет. Много их у солнца, есть чем потянуться. И мнится: сам Лучистый Сурья охраняет ладью из ивы с бамбуком. Придержал колесницу в зените, ждет, чем дело закончится. А лик у солнца тоскливый, каленой медью отливает... Грустит Сурья. Плохо ему. Жарко. Когда ж это было, чтоб светило жарко становилось? – никогда не было, а сейчас случилось.

Встретилась Ямуна с Гангой, матерью рек, закружились воды в пляске, вынесло корзину на самый стрежень. Вон и остров в лозняке прячется. Стоит на островном берегу урод-мужчина: ликом черен, бородой рыж, шевелюрой – и того рыжее. Глазищами янтарными моргает. Нет чтоб за багром сбегать, выволочь корзину! – стоит, страхолюдина, из-под мозолистой ладони на реку смотрит.

Проплыла корзина мимо.

Нет ей дела до уродов.

Вон уже и земли ангов-слоноводов начались.

Вон и город Чампа.

Тронул Лучистый Сурья своего возницу за плечо, велел дальше ехать; а сам все назад оборачивается, через пламенное оплечье.

Туда глядит, где мать-Ганга с Ямуной схлестываются, Ямуна – с Душицей, Душица – с Конским Ключом...

Где исток.

2

ПОСЛАНЕЦ

– Устал, милый?

Мужчина не ответил. Он лежал лицом вниз, до половины зарывшись в солому, и вполуха слушал блеянье ягнят. Безгрешные агнцы плакали малыми детьми, сбивались на миг и вновь заводили бесконечные рулады. Предчувствовали, горемыки: всю жизнь доведется прожить баранами, всю бессмысленную жизнь, от плача во тьме до кривого ножа-овцереза...

Одна радость, что Всенародный Агни испокон веку ездит на круторогом агнце – глядишь, после ласки огня, превращающего тебя в жаркое, доведется попасть в овечий рай. Где тебя пасут пастыри, кормят кормильцы, но не режут резники.

Счастье.

Скажите, нет?

– Устал, вижу...

Ничего она не видела, счастливая женщина. Только говорила, что видит. Если бы кто-нибудь действительно видел сейчас лицо мужчины, то поразился бы хищной улыбке от уха до уха. После женских ласк улыбаются иначе. Расслабленно улыбаются, блаженно, иногда устало – а здесь... Похожий оскал подходит скорей волку в глубине логова, когда чужой запах струей вплетается в порыв ветра. И зубы крупные, белые; хорошие зубы, всем бы такие.

Плачьте, ягнята...

Женщина потянулась, звеня колокольцами браслетов, и мягко провела ладонью по спине мужчины. Поднесла ладонь к лицу; лизнула, коснулась тонким язычком, жадно ощущая вкус чужого пота. Снова вытянула руку и прошлась по спине ухоженными ноготками, оставляя красные полосы. Женщине было хорошо. С законным муженьком-тюфяком ей никогда не было так хорошо. И с многочисленными пастухами-боходжами, падкими на щедрую плоть, не было. И с умельцами-скопцами, плешивыми толстячками, специально обученными смирять томление бабьего тела многочисленными уловками – с ними тоже.

А с этим молчуном – хорошо.

Ах, до чего же хорошо...

– Где ты был раньше, милый? – сама себя спросила женщина, прогибаясь гулящей кошкой.

– Далеко, – хрипло ответил мужчина.

Он врал. Был он довольно-таки близко, можно сказать, и вовсе неподалеку от здешних земель. Но рассказывать о своем прошлом новой любовнице... Прошное ревниво, подслушает, вильнет хвостом и пойдет гулять по свету. Чтобы вернуться каленой стрелой в спину или удавкой в ночи. Далеко мы были, высоко летали, уста из стали, язык из пыли; живем сегодня, а вчерашний день отгорел и погас.

Забыли.

Мужчина перевернулся на спину, вольно разбросал бугристые руки, подняв вокруг себя соломенную бурю. Чихнул во всю глотку, потом чихнул еще раз. Сухие стебельки запутались в гуще волос, обильно покрывавших его торс и даже плечи. Женские пальчики мигом стали выбирать солому из курчавой поросли, исподволь опускаясь все ниже: ключицы, мощные мышцы груди, живот...

И спящий восстал.

Долго потом плакали ягнята, испуганные звериным рычанием и стоном пойманной добычи.

* * *

– ...а мне хозяйка вчера вот чего подарила...

Женщина приподнялась на локте. Напряженные до сих пор соски маняще коснулись лица мужчины, один ткнулся в щеку доверчивым птенцом, и почти сразу вниз потек металлический шелест. Цепочка. Серебряная. С лунным камнем в оправе, привешенным посередине.

– Балует тебя хозяйка, – буркнул мужчина.

Женщина довольно засмеялась. Заворковала голубкой. Ей показалось, что любовник попросту ревнует, не имея возможности дарить дорогие подарки. Она считала себя знатоком мужских мыслей и чаяний. С того возраста, когда у нее едва набухли бутоны грудей, а взгляд мужчин стал задерживаться на ней, наливаясь желанием. Да, женщина считала себя истинной дваждырожденной в таких делах. Возможно, не без оснований.

Мужчина смотрел на нее снизу вверх, и в зеленых глазах его не отражалось ничего.

Даже звезды.

Они мерцали сами по себе, эти слегка раскосые глаза, расположенные по обе стороны ястребиного носа шире, чем полагалось бы. Мужчина редко закрывал их. Даже целуя женщину, он не смежал век. Удивительная привычка. Удивительные глаза, в которых ничего не отражается. Удивительная женщина, которая этого до сих пор не заметила.

Впрочем, что вокруг не достойно удивления?

– Балует, – согласилась женщина. – Меня и нужно баловать. Я тогда в огонь и в воду... И молчать умею. Хоть пытай меня, хоть посулы сули – ни словечка.

Плечо мужчины слегка напряглось. Как леса у рыболова, когда хитрюга-подкоряжник тронет костяной крючок. Он знал: если женщина говорит о своем умении хранить чужую тайну, это может означать только одно.

Одно-единственное.

– Молчать она умеет, – насмешливо проворчал мужчина. – Тайны у них с хозяйкой великие. Рукоблудию друг дружку учили. Хозяйку-то далеко не отпускают, берегут в шатре, пастухов кнутами гоняют, а к варте⁸ не подольститься! Приходится своими силенками...

– Дурак ты, – обиделась женщина и тут же прижалась, втиснулась, защекотала распущенными кудрями. – Дурачок... Силы бычьей, а ума не нажил. Хозяйка у меня тихая, смиренная, ей на роду написано по чужим домам мыкаться! Думаешь, она и впрямь здешнему князю дочерью доводится? А вот вам всем и смоквушки вяленые! Чужачка она, хоть и сама из семьи – знатней некуда. Про царя Шуру слышал?

– Да кто ж не слышал про царя Шуру?! – хохотнул мужчина. – Великий был царь: все местные земли в кулаке держал, да кулаком туда-сюда елозил, для удовольствия... Пока не лег под Грозного. Тут земли и брызнули во все стороны. Грозный далеко, а пастухам местным все едино: дань есть дань, а прочее – лебеда.

Он заворочался, устраиваясь поудобнее.

Женщина губами тронула прядь его жестких волос, и удивительная фраза «а пастухам местным все едино...» сама собой выветрилась из ее головы.

Хоть и странно слышать такое от пастуха.

Местного.

– Вот ты и дважды дурачок... Хозяйка моя – Шурина доченька, да еще и от старшей жены! Царь-папаша ее к бездетному товарьяману⁹ в приемыши определил, по давнему сговору... И то сказать: зачем Шуре девка?! Сыновей хватало, слава Вишну! Вот и сбагрил на сторону. Потом помер от водянки, а сыновья рохлями оказались, растеряли земли-троны! Приживалы, еще хлеще сестры! Родись у моей хозяйки мальчонка – мог бы, как в возраст войдет, за дедовской славой погнаться! Раз дядя оплошали...

– Сынок! – передразнил мужчина. – Слава дедовская! В первую голову, на славу пора забыть-забить кривым рубилом – ищи ветра в поле! А во вторую голову: откуда у нее сынок, у Шуриной дочки, ежели сама она – девица незамужняя! Ветром надуло?!

Женщина запальчиво вскинулась. Чужая тайна и без того жгла ей сердце, так и норовя выплеснуться наружу кипящим варом. А тут еще дразнят...

– Не знаю, как насчет ветра, а только для сыновей мужья не всегда надобны! Может, и ветром...

– Врешь ты все, – махнул рукой мужчина, разом теряя интерес к разговору.

Но женщину уже было не остановить.

– Я вру?! А кто у хозяйки на прошлой неделе роды принимал? Кто пуповину резал?! Не я?! Думаешь, мы ради твоих мужских статей шестой месяц в пастушьем становище торчим?! Во дворце живот не спрячешь! Понял, кобель?!

Последнее слово женщина произнесла ласково-ласково, и пальцы ее как бы невзначай вновь поползли к самому кобелиному месту.

Мужчина не мешал, но и не помогал.

Лежал, глядел в небо, будто не его ласкали.

⁸ Варта – охрана (санскр.) Соответственно «охранник» – вартовой.

⁹ Товарьяман – «друг благородного человека», побратим.

– Тогда уж точно о дедовской славе речи нет, – бросил он наконец. – Ублюдок-безотцовщина – кому он нужен, хозяйкин байстрюк? Брюхо нагуляла, теперь срам прятать надо! Подкинет, небось, пастушней женке, а сама поминай как звали...

– Такого не подкинешь, – ластясь, шепнула женщина. – Ты б его видел, красавчика маленького...

С этой минуты мужчина слушал очень внимательно.

Впрочем, он и раньше слушал внимательно.

Он вообще мало что пропускал мимо ушей, доверенный лазутчик матхурского правителя, ракшаса-полукровки по прозвищу Ирод.

3

СМЕРТЬ

Когда женщина задремала, мужчина еще некоторое время лежал, думая о своем. Он предчувствовал: сегодня, сейчас, этой ночью свершится предначертанное. Кончится срок его поисков и ожидания, еще один младенец умрет тихой смертью, отправясь прямым путем в рай для молокососов – и можно будет вернуться к господину.

Вернуться с триумфом.

Иногда мужчина полагал, что из всех кличек Трехмирья именно прозвище его господина имеет самые длинные ноги. С пятками, смазанными салом. С когтями, которые сподручно рвать на бегу. Судите сами: меньше полугода прошло с того веселого дня, когда матхурский правитель разослал в подвластные ему земли отряды карателей. С недвусмысленным приказом – убивать младенцев. Всех, кого обнаружат. В первую очередь: младенцев странных, удивительных, с признаками божественного или демонского родства.

Приказ прозвучал; и уже через полтора месяца окрестности Матхуры уверенно прозвали царя Иродом.

Ирод подумал и рассмеялся: ему понравилось. Перед этим его звали Кансой, то есть Кубком – за умение в один дых осушать громадный наследственный кубок из черного серебра.

Согласитесь: Ирод звучит куда благозвучней!

По возвращении карателей были разосланы лазутчики в уделы ближайших соседей. Приказ остался прежним, с малой поправкой: убивать тайком. Не оставляя следов. Война нам не нужна, а исчезновение того или иного дитяти всегда можно свалить на недосмотр мамок или проказы упырей-пишачей.

Лазутчики склонили головы перед владыкой, и вот: на сегодняшний день прозвище Ирод уже взапуски бегало от пашен ядавов до пастбищ бходжей. Следом бегал слух: Ироду было пророчество о его будущей гибели. Дескать, убьет его не то потомок родной сестры владыки, не то дальний родич, не то просто земляк...

Короче, родится в нынешнем году, вырастет и убьет.

Ом мани!

– Интересно, – задумчиво спросил Ирод, который тогда еще был просто Кансой, у своих советников, – зачем богам сообщать мне о причине моей гибели? Ясное дело, чтобы я заранее принял меры, и никак иначе!

Советники почесали в затылках и хором восславили мудрость владыки.

Вот тогда-то матхурский правитель и возблагодарил судьбу за предусмотрительность. Не первый год привечал он демонское отребье: битых ракшасов из отрядов покойного Десяти-

главца, ускользнувших от перуна Индры асуров, гигантов-данавов, которым было тесно в подводной резервации, просто одиночек-полукровок, каким был и сам Ирод... Эти из кожи вон лезли, выполняя любой приказ и не стесняясь в средствах. Во-первых, по природной склонности, а во-вторых, в случае гибели хозяина, им и впрямь не оставалось места на земле.

Здесь же, в местной глуши, беглецов никто не искал и искать не собирался.

...Мужчина осторожно встал, стараясь не разбудить утомленную любовницу, и вышел из-под навеса. Шаг его был беззвучен, босые ступни, казалось, прилипали к земле; и при каждом движении лопатки мужчины выпирали наружу заметно больше, чем у обычного человека. Подойдя к загону, он перегнулся через плетень и ухватил за шкуру ближайшего ягненка. Вытащил наружу. Прижал к себе и долго баюкал, жадно вдыхая запах влажной шерсти и молока.

И еще – страха.

Звезды по-прежнему не отражались в его глазах; там мерцали свои, собственные звезды, колющие искры, каким не место на земном небосклоне.

Мужчина улыбнулся. Потом взял ягненка за задние ноги и мощно рванул.

Поднес две кровоточащие половинки к самому лицу и на миг зажмурился, трепеща ноздрями.

Первыми он съел печень с сердцем.

Насыщаться следовало не торопясь. Сегодня он уйдет из опротивевшего становища, а путь до Матхуры тернист. Возможно, одного ягненка даже не хватит.

Да и баранина надоела.

Мужчина задумчиво посмотрел под навес, где в соломе спала обнаженная женщина. Сытая, не знавшая нужды и голода самка. Пальцы его несколько раз согнулись и разогнулись, выпуская наружу кривые когти.

Он размышлял.

В конце концов, именно эта похотливая дуреха проболталась ему об удивительном байстрюке, которого прижила ее хозяйка невесть от кого. О байстрюке с тельцем медно-красного цвета, сплошь покрытом загадочной татуировкой. О байстрюке с серьгами, что росли прямо из мочек ушей. Да и сама хозяйка... все-таки дочь царя Шуры, дальняя родственница матхурского Ирода...

Женщина заслуживала определенной признательности.

Но одного ягненка определенно не хватит, а баранина надоела.

Вдалеке брехали на луну косматые овчарки.

* * *

У шатра безмужней матери мужчина остановился. Даже не у самого шатра, а чуть поодаль, ближе к зарослям олеандра. Хозяйка его бывшей любовницы проводила время в пас-тушьем становище с единственной целью: скрыть позор. Даже если ее приемный отец и знал о проказах любимицы, он благоразумно решил не привлекать к ним всеобщего внимания. При-слуги и свиты выделил – кот наплакал. Сейчас, например, у входа в шатер дрыхли всего двое вартовых; и больше (мужчина твердо знал это) воинов поблизости не было. А пара разжирев-ших от безделья валухов – преграда слабая.

Посланец матхурского правителя, не таясь, подошел к шатру.

Громко топая.

При виде его вартовые заморгали, стряхивая с ресниц остатки дремы.

– Ты чего, приятель? – сипло бросил левый, вислоусый дядька, садясь на корточки. – Не спится?! Иди овцу вылюби...

– Хоть бы тряпкой замотался, бесстыжая твоя морда! – правый, совсем еще молоденький паренек, во все глаза глядел на могучий лингам мужчины, до сих пор торчавший стенобитным тараном.

После шалостей любовницы? после сытной трапезы?.. кто знает?

Скажите, одна из причин – явная бессмыслица?! Скажите, а мы послушаем, но в другом месте и при других обстоятельствах.

– Сейчас замотаюсь, – легко согласился посланец Ирода.

И коротко, без замаха, ударил молоденького ногой в горло. Пальцы ноги, сжатые в корявое подобие кулака, с хрустом вошли парнишке под подбородок, и почти сразу страшный кулак дернулся, раскрываясь весенним бутоном.

С лепестками-когтями.

Обратно бутон вернулся, унося добычу: кровоточащий кадык.

– Хочешь, и тебе курдюк вырву? – с искренним любопытством поинтересовался мужчина у дядьки, мгновенно присев рядом с ним. Одна когтистая лапа легла на древко копья, вторая же шипастым ошейником вцепилась в глотку вартового, гася крик в зародыше. То, что лапа на копье у людей называлась бы рукой, а лапа на глотке – ногой... Мужчину это не смущало. Притворство сейчас лишь помешало бы, а в обычном облике он плохо понимал разницу между руками и ногами.

Эти глупости придумали люди.

Для оправдания слабости.

Рядом еле слышно хрипел парнишка, выхаркивая через второй рот остатки жизни; но он не интересовал обоих живых.

Через секунду он уже не интересовал только Иродова лазутчика.

Мужчина – назвать его человеком теперь было бы опрометчиво, но безусловно он остался мужчиной! – встал во весь рост.

Прислушался.

Тишина.

Вокруг... и в шатре.

Небось, когда варту рвало с перепоею, шуму было куда больше.

Улыбка-зевок обнажила жемчужные клыки, и посланец предусмотрительного Ирода взялся за полог шатра. Он замешкался всего на ничтожное мгновение, которое и временем-то назвать стыдно, он отвлекся, жадно принюхиваясь к ароматам женского и детского тел, донесшимся из душной глубины; он уже шел...

За все надо платить.

Есть такая мера веса – называется «бхара». Ноша, которую человек способен нести на голове. Конечно, в последнюю очередь убийца сейчас думал о мерах веса, но на спину ему рухнуло никак не меньше пяти «бхар»! Ударило, смяло, отшвырнуло в сторону – и двухголосое рычание разодрало тишину в клочья.

Старый пастуший пес-овчар тоже умел ходить беззвучно.

Два тела сцепились, кубарем покатались по земле, пронзительное мяуканье разнеслось по всему становищу, и от дальних костров послышались вопли пастухов вперемишку с лаем. Пес дрался отчаянно, самозабвенно, отдавая все силы и не сберегая про запас даже самой малой крохи. Но старость брала свое: косматое тело, в котором уже не оставалось ничего человеческого, вывернулось из некогда мертвой хватки. Клыки сомкнулись на собачьем загривке, куснули, отпустили, истово рванув ниже, под ухом; кривые кинжалы наискось полоснули брюхо – и задыхающийся скулеж был ответом.

Убийца на четвереньках метнулся к шатру, отшвырнув полог, влетел внутрь и замер в растерянности.

Пусто.

Лишь смятое ложе говорит о хозяйке; смятое ложе и пустая колыбель.

Уши с пушистыми кисточками на концах встали торчком. Ловя звуки: рядом, дальше, в кустах, у костров, в лесу на опушке...

Где?!

Матхурский правитель умел выбирать себе слуг.

Когда толпа пастухов во главе с троицей разом протрезвевших воинов ворвалась в шатер – огромная кошка была далеко.

Несясь к Конскому Ключу по следу матери-беглянки и вождя ребенка.

4

СОЛНЦЕ

Он настиг ее у самой реки.

Жертву.

По пути снова вернув себе человеческий облик – так было гораздо интереснее. Друзья всегда считали его существом изысканных привычек; и это истинная правда. Оглянитесь вокруг, беззубые и падающие в обморок при виде оцарапанного пальца! Что вы все знаете о жертвах?! Об их особом, ни с чем не сравнимом запахе, о взгляде, в бездне которого полощется рванный стяг отчаяния, о трепете их восхитительных поджилок, о сладчайшем вкусе их плоти... Морщитесь? Кривите носы?! И завидуете тайне моему знанию: жертву надо вбирать в себя еще живой, чтобы музыка воплей сливалась с пляской судорог, и тогда, тогда...

Посланец Ирода клокочуще рассмеялся и вытер с губ слюну.

У самого берега стояла она, и смешон был ее вид. Наспех замотанное сари сползло с узких плеч, обнажив груди-яблоки с дерзкими сосками – откуда взяться в таких сосудах молоку?! Босые, сбитые о камни ноги нервно подрагивали, топча прибрежный песок; узкие щиколотки без браслетов, стройные голени и бедра угадываются под мятой тканью... девица, не женщина-мать.

Убийца тихо заурчал.

Ему было хорошо.

Ему было очень хорошо; лучше всех.

– Внемлите, достойные, – мяукнул он, делая первый шаг. – Те шесть членов, то есть груди, бедра и глаза, которые должны быть выдающимися, у этой девушки – выдающиеся!

Шаг.

Еще шаг.

И песнь свахи из клыкастого рта.

– Те же три, то есть пуп, голос и ум, которые должны быть глубокими, у этой девушки – глубокие!

Шаг.

Мягкий, вкрадчивый; масло, не шаг.

Предраассветный туман набрасывает на веселого убийцу пелену за пеленой. Липнет кисейными покрывалами, вяжет тенетами из промозглой сырости, пытается удержать, остано-

вить, будто ему, туману, проще умереть в неравной схватке, чем безучастно смотреть со стороны.

Не все способны быть зрителями... прости, туман, зябкое дыхание Конского Ключа!

Прости...

– И наконец: те пять, то есть ладони, внешние уголки глаз, язык, губы и небо, которые должны быть румяными, у этой девушки – румяные! Она воистину способна родить сына, могущего стать великодержавным царем!

Где-то вдалеке, со стороны стойбища, брешут собаки и глухо доносятся крики людей.

Время есть.

Много времени.

Больше, чем надо.

Посланец Ирода делает последний шаг и останавливается. Он пристально смотрит на голенького ребенка в руках у лже-девицы. Это чудо. За такие чудеса хозяин хорошо платит. Зеленый взгляд ощупывает вожделенную цель. Похотливая служанка не соврала. Тело младенца и впрямь медно-красное, словно сплошь покрыто ровным загаром, приметой здешних рыбаков, и по нежной коже бежит, струится темная вязь. Сыпь? Вряд ли. Татуировка? Похоже... Но какой безумец возьмется татуировать новорожденного?! Разводы сплетаются, образуя кольчатую сеть, отчего туловище малыша напоминает черепаший панцирь или рыбу чешую; и посланец мимо воли облизывает губы.

Он смотрит на серьги. На серьги в ушах двухнедельного младенца. «Вареные» сердолики в платиновой оправе. Багрец в тусклой белизне. Ничего особенного. В ювелирных лавках Матхуры таких навалом. Ерунда. Если не считать малого: серьги растут прямо из ушей, заменяя ребенку мочки. Между металлом и плотью нет зазора, нет даже едва заметного перехода... ничего нет.

Единое целое.

Убийца снова облизывается, вспоминая вкус болтливой любовницы.

Вкус правды.

Лже-девица наконец решила. Как-никак кровь царя Шуры, а уж Шура был драчун из драчунов! Она наклоняется и опускает дитя в рыбацкую корзину. Забытую на берегу кем-то из толстозадых местных баб, тех дурех, что рожают своим муженькам обычных сопляков. За такими не стоит рыскать, выпрашивая и подглядывая. Пусть живут. Пусть живут все.

Кроме этого.

Лже-девица задвигает корзину к себе за спину. Жесткий край сминает пук водорослей, и из сплетения буро-зеленых нитей выползает рачок. Топырит клешни, грозно вертится на месте. Дратья собрался, пучеглазик. Рачок-дурачок. И эта дратья собралась. Рожают, понимаешь, непонятно кого и непонятно от кого... Дерись. Сколько угодно.

Так гораздо интереснее.

Волны Конского Ключа робко лижут корзину. На вкус пробуют. Пытаются опрокинуть. Подлезть под днище. Пора. Надо. Далекий лай становится менее далеким.

Пора.

В следующий миг противоположный берег раскололся беззвучным взрывом. Пылающий шар солнца вспорол серую слякоть, и еловец шлема Лучистого Сурьи приподнялся над Конским Ключом.

Убийца замер. Чуть властно подсказывало ему, что до восхода еще не меньше часа, что все происходящее – бред, чушь, бессмыслица!.. но солнце всходило, слепя зеленые глаза.

Из-за спины жертвы подымался огненный гигант. Вставал в полный рост, расправлял плечи во весь оком, и мнилось: руки-лучи успокаивающе тронули хрупкую девушку-мать.

Она выпрямила спину, скрюченные пальцы обмякли, и на лице вдруг проступила святая вера ребенка, который, попав в беду, вдруг видит бегущего на помощь отца.

Зато убийца видел совсем другое: гневно сдвинулись брови на переносице Суры, витязь-светило прищурился, глянул исподлобья – и кровь закипела в посланце Ирода.

Она кипела и раньше: в схватках с врагами, при совокуплении с самками... но сейчас все было совсем по-другому.

И так было гораздо интереснее.

* * *

...искореженное тело получеловека лежало на берегу, дымясь, и рачок довольно щипал клешней зеленый глаз.

А хрупкая девушка в испуге смотрела на реку, машинально заматываясь в сари.

Плывет по Конскому Ключу корзина. Большая корзина, бабы в таких белье стирать носят. Ивовые прутья бамбуковой щепой перевиты, волокно к волокну, дно цельное, а сверху крышка. Захлопнута плотно, и три дырки, как три Шивиных глаза, просверлены. Зачем? кто знает... Значит, надо. Плыви, корзина, качайся на волнах, пока не прибьет тебя к берегу или не растащит водой во все стороны.

– Маленький, – беззвучно шептали белые губы, – маленький мой... ушастик...

Ушастик – на благородном языке «Карна».

От чего не легче.

И последние клочья тумана слезой текли по лику Лучистого Суры.

5

ДВОЕ

Этим же утром в близлежащем городишке со смешным названием Коровяк произошло еще одно удивительное событие. Здесь погибла неуловимая ракшица Путана, одна из фавориток матхурского царя-детоубийцы. Погибла, пытаясь покормить грудью чудного младенца, слух о котором успел погулять в окрестностях, дойдя до ушей Путаны.

Ребенок высосал ракшицу досуха.

Жители Коровяка возблагодарили небеса за счастливое избавление, после чего сотворили над дитятей очистительные обряды. Помахали над пушистой головенкой коровьим хвостом, омыли тело бычьей мочой, посыпали порошком из толченых телячьих копыт, и наконец, обмакнув пальцы в помет яловой коровы, начертали дюжину имен Опекуна Мира на дюжине частей тела младенца.

Надежно оградив благодетеля от порчи.

Как раз в момент начертания последнего имени Опекуна корзину с другим младенцем прибило к пристани городка Чампы, около квартала, где проживали суты-возничие с семьями.

* * *

Они явились в мир вместе, едва не погибнув на самой заре своего бытия.
Черный и Ушастик.
Кришна и Карна; только первого еще не звали меж людей Баламутом, а второго – Сека-
чом.
Время не пришло.
Кроме того: так гораздо интереснее.

До Великой Бойни оставалось полвека.

Глава вторая ГОНГ СУДЬБЫ

1

СУТА

Возница деловито проверил упряжь. Скрипнул подтягиваемыми ремнями, с тщанием осмотрел пряжки, заново укрепил древко стяга – белый штандарт с изображением ястреба плеснул на ветру. Похлопал по лоснящимся спинам буланых жеребцов, и животные зафыркали в нетерпении. Добрые кони: возвращены умелыми табунщиками Пятиречья, на бегу легки, у каждого по десять счастливых завитков шерсти, курчавятся попарно на голове, шее, груди и бабках... Так, со сбруей и лошадьми все в порядке. Теперь – колесница. Хорошо ли смазаны оси, плотно ли забиты чеки, не расселся ли обруч тривены, вложена ли в бортовые гнезда троица метательных булав...

Все было в порядке. Возница знал это и без осмотра. Но какой же уважающий себя сута не проверит лишний раз свое хозяйство перед столичными (а хоть бы и провинциальными!) ристаниями?! Когда-то, в молодости, подобная придирчивость спасла ему жизнь... Впрочем, сейчас не время для воспоминаний. Капли-мгновения из кувшина самой работающей богини Трехмирья падали все ближе и ближе. Сута отчетливо слышал барабанный рокот этой капли. Ему был хорошо знаком внутренний ритм, что приходил из ниоткуда и превращал душу в гулкий мриданг. Ритм напоминал перестук копыт по булыжнику, он заставлял кровь быстрее бежать по жилам, чаще вздымал волосатую грудь – а сознание омывал ледяной ручей спокойствия и умиротворения.

В такие минуты ему мерещилась в небе золотая колесница Громовержца, которой правил не синеглазый полубог, а он, пожилой некрасивый сута из маленького городишка Чампы.

Святотатство?

Гордыня?!

Достоинство?.. кто знает. Возможно, тем же достоинством обладал и сам городишко Чампа – окружающие племена ангов звали его столицей за неимением другого.

Сута улыбнулся и заново проверил упряжь.

Он ЗНАЛ, что выиграет и сегодня. Как выиграл первый тур ристаний, как побеждал до того, подставляя шею под призовые гирлянды. Просто на этот раз дело не в его мастерстве; верней, не только в нем. Иное тревожило сейчас опытного возницу, издавшего всякие виды... Он стыдился признаться самому себе: причина беспокойства – его сегодняшний махаратха¹⁰. Нет, ездок не подведет! У них получится: у него, потомственного суты, и его благородного...

Т-с-с!

Есть вещи, о которых не стоит болтать заранее.

О них даже думать заранее не стоит.

Удовлетворяясь наконец осмотром, возница обернулся к росшей неподалеку раскидистой бакуле. Там, в тени густых ветвей, ждал человек – высокий, широкий в кости, он был одет в добротное платье кшатрия средней руки.

Сотник раджи-зрителя?

Скорей всего.

Удивительным было другое: лицо махаратхи полностью скрывал глухой шлем. Состязаться по жару, нацепив на голову подобную бадью из металла, да еще с чудовищно узкими прорезями для глаз... Безумец? Да нет, непохоже...

Скорее уж безумен кузнец, что ковал такой шлем.

– Все готово, господин, – голос суты слегка дрогнул, когда он произнес это. – Займите свое место: нам пора выезжать на стартовую межу.

Воин в глухом шлеме молча вышел из-под дерева и странной, замедленной походкой направился к колеснице. Уже у самой повозки сута подал ему руку – и махаратха заученным движением легко вскочил в «гнездо».

Нашупал рукояти метательных булав, огладил их ладонями, будто гончаков перед охотой, и застыл безмолвным изваянием.

– Вы готовы, мой господин? – с искренним почтением осведомился сута, располагаясь на облучке.

– Да, – донеслось из-под шлема.

Это было первое слово, произнесенное воином.

Колесницы соперников уже разворачивались у межи, занимая исходные позиции.

2

МАЛЫШ

– Эй, малец, а ты что здесь делаешь?!

Ты быстро обернулся, готовый бежать, но оплошал: цепкая лапа стражника ухватила тебя за плечо. Действовать ногами было поздно – теперь надежда оставалась только на язык.

– Да я просто посмотреть хотел!.. – заныл ты дрожащим голосом. – Отсюда видно лучше! Дяденька, можно, я тут постою?

На мгновение стражник заколебался и даже слегка ослабил хватку. Но почти сразу взгляд его упал на плотно сжатый кулак мальчишки.

– Скрываешь? От властей скрываешь?! Показывай, бунтовщик!

¹⁰ Махаратха – великоколесничный боец (санскр.).

Кулак веселому стражнику пришлось разжимать силой.

– Э-э, да это ж у тебя гирьки для пращи! И куда ты их швырять замышлял? В колесничих? Или мишени поразбивать? Ишь, чего удумал, шакалье отродье! Чеши отсюда, пока я добрый, не то уши оборву!

От прощального пинка ты увернулся и припустил со всех ног прочь. Стражник и впрямь попался добрый: всего лишь отобрал гирьки и прогнал. Другой бы так отдубасил, что ни встать, ни лечь потом...

Но что же теперь делать?

Издалека ты наблюдал, как стражник степенно берет тяжелое полированное било, плавно замахивается...

Гулкий рев гонга раскатился над ристалищем. В ответ визгом и свистом взорвались возницы, обласкав коней стрекалами, упряжки слетели с межи и брызнули по беговым дорожкам. Грохот колес, щелканье бичей, крики заполнивших трибуны зрителей... азарт переполнял хастинапурцев и гостей столицы.

Ты зло утер слезы и прикусил губу.

Твой отец никогда не пользовался стрекалом, и совсем редко – бичом. В случае крайней необходимости он нахлестывал коней вожжами, пуская длинные ремни волной, которая чувствительно обжигала конские спины и именно подгоняла, а не бесила, сбивая с ритма, как это зачастую делает удар бича.

С минуту ты заворуженно провожал колесницы взглядом: яростная борьба за лидерство, воцарившаяся на ристалище, потрясала маленькое сердце. Ведь право поразить мишени получают всего три махаратхи из дюжины соперников – те, чьи упряжки подойдут к стрелковому рубежу первыми. Кувшинов-мишеней – тоже три. Поначалу все решают кони и суты; лишь под финал троица великоколесничных бойцов получит возможность проявить свою меткость и сноровку.

Одиннадцатилетний зритель очень надеялся, что счастливец окажется не трое, а только один. Впрочем, сейчас все грозило пойти прахом из-за ретивого стражника. Хорошо еще, что ты успел заранее передвинуть кувшины так, как следовало: средний – точно над гонгом, и два крайних – каждый ровно на расстоянии локтя от среднего.

Все шло прекрасно, пока...

Ты очнулся. Бесплодные сожаления – удел девчонок и юродивых. Надо что-то предпринять, и предпринять немедленно: упряжки успели пройти половину дистанции. Буланая четверка отца сейчас шла ноздря в ноздю с ослепительно-белыми панчальскими иноходцами. Их пытались – и все никак не могли настичь широкогрудые чубарые рысаки; остальные глотали пыль, и их можно было списывать со счетов.

Из прокушенной губы потекла кровь. Ты с трудом оторвался от мчащихся упряжек – и в первый момент не поверил своим глазам! Стражник возле гонга отсутствовал! Пригибаясь и мечтая превратиться в муравья, ты опрометью бросился назад.

Удача любит смелых; иначе чем объяснить ее брак с Крушителем Твердынь?!

Никто не остановил тебя по дороге, не окликнул, не помешал. И вот ты уже стоишь в оговоренных десяти шагах от гонга, переводя дух после стремительного бега, стоишь и лихо-радожно рыщешь взглядом по сторонам.

Гирек не было. Видимо, запасливый стражник решил забрать их себе, справедливо рассудив: «В хозяйстве пригодятся!» В конце концов, бхут с ними, с гирьками! – сойдет и обычный камень. Ты не промахнешься! Вот только нет вокруг ни единого камня. Где вы, галка и булжники, ссохшийся комок земли, обломок палки на худой конец?! – ровная зелень травы, и больше ничего.

Ничего!

А кидаться травой только святые брахманы горазды.

Впору было заплакать от бессилия – но ты сдержался. Ты большой. Ты умеешь вести себя достойно. Слезами делу не поможешь. Колесницы дружно выходили на финишную прямую, грохот копыт нарастал, накатывался пыльной волной; трибуны неистовствовали.

Мимоходом ты скосился на ристалище, увидел, как вырывается вперед колесница отца... До того момента, когда буланные обладатели счастливых примет достигнут стрелкового рубежа, оставались считанные мгновения.

Ты в отчаянии повернулся к гонгу – и вдруг увидел оставленное (или забытое?) стражником било.

Решение пришло сразу.

В три прыжка ты оказался рядом с гонгом. Подхватил с земли увесистую деревянную колотушку (пальцы с трудом обхватили толстую рукоять) – и, пытаясь замахнуться, обернулся через плечо.

Колесница отца выходила на рубеж.

Белоснежные панчалы отставали на полтора корпуса.

Уже не оглядываясь, ты с усилием потащил колотушку ближе к сияющему на солнце кругу меди. Только сейчас ты вдруг осознал, что стоишь не сбоку, как предполагалось по сговору, а ПЕРЕД мишенью! Гонг висел слишком высоко, силенок не хватало взмахнуть тяжким билом как следует, и пришлось ногой пододвинуть ошкуренный чурбачок – посланный тебе каким-то милосердным божеством. Небось, Тваштар-Плотник пожалел бедолагу, оттаял сердцем! Кудрявая макушка приходилась теперь рядом с центральным кувшином, а верхний край гонга блестел у тощих ключиц. Вот сейчас полированный металл отзовется, из руки царственного махаратхи вырвется смертоносная булава – и ты упадешь на мягкий зеленый ковер, ударишься оземь разmozженной головой и не почувствуешь боли...

Ну и что?!

Удача... удача любит... смелых... а-а-а!

Чурбачок накренился, рукоять била отчаянно ткнулась в гонг – последним усилием, падая, мальчишка толкнул колотушку от живота – и медный гул поплыл над ристалищем.

В ответ пролился бесконечный дождь черепков от разнесенного вдребезги кувшина.

Пара глиняных собратьев прожила немногим дольше.

3

СЛЕПЕЦ

Слепой от рождения, он никогда не знал, что значит – «видеть». Но с детства помнил о своей ущербности, ощущал ее, смирился, как с неизбежностью. И все же внешняя тьма не сумела растворить в себе внутреннего стержня, той сути мужчин Лунной династии, что служила основой для легенд, блеклых перед правдой. Он был кшатрий по рождению. Царь, воин. Слепой царь? Собственно, почему бы и нет? Но слепой воин?!

Чушь!

Вот с этим он смириться не мог.

И однажды, решившись, пригласил в свои покои наставника Крипу – знаменитый Брахман-из-Ларца по имени Дрона тогда еще не явился в Хастинапур.

Разговор проходил с глазу на глаз. Короткий разговор. Очень короткий. Мужской. Вопрос и ответ.

Крипа дал согласие обучать Слепца воинскому искусству.

Нет, он не строил иллюзий на собственный счет. Ему не стать героем, грозой врагов. Никогда он не возглавит военный поход, не устремится на врага, посылая впереди себя оперенную смерть; не станет с высокого холма отдавать приказы, мановением руки перестраивая боевые порядки...

Но УМЕТЬ он должен.

Они занимались поздними вечерами, а затем – ночью. Втайне от досужих глаз. Слепец незряч; значит, и остальным здесь видеть нечего. Никому, кроме них двоих; да еще верной супруги, которая лишь после зачатия детей поддалась на уговоры мужа и сняла с глаз повязку, знак своего добровольного ослепления.

Мастерство давалось кровью и потом. Он так толком и не выучился стрелять из лука или орудовать длинной пикой – зато бой на ближней дистанции стал поздней и безраздельной страстью Слепца. Секира, палица, парные кинжалы – здесь многое решала колоссальная сила слепого, а также умение чувствовать и предчувствовать, как не дано зрячему. Носорогом прорываясь вплотную и сбивая наставника наземь, прежде чем тот нанесет удар, он все чаще удостоивался похвалы молчаливого Крипы.

Слепец знал: доброе слово Крипы дорогого стоит.

Он только не знал, что всегда краснеет, выслушивая похвалу.

Иногда он думал, что борьбе и паличному бою сумеет когда-нибудь обучить сыновей или внуков.

В такие минуты он улыбался.

Потихоньку начали осваивать колесницу. Стать полноценным махаратхой Слепец и не мечтал, но намеревался сделать все, что сможет. Мало сохранять равновесие в «гнезде», не цепляясь за бортик при самых лихих разворотах – учитель, выполняя роль суты, был безжалостен. Он выучился с убийственной меткостью посылать на звук метательную булаву – и не всякий зрячий сумел бы проделать это на всем скаку, из подпрыгивающей на ухабах колесницы.

Крипа хвалил его, Слепец тихо гордился, жена искренне радовалась успехам мужа – но в последнее время Слепцу втемяшилась в голову новая, совершенно безумная блажь.

Хотя бы раз продемонстрировать свое искусство на людях! Доказать всем, что он, бельмастый калека – мужчина, царь по праву и сути, а не только по милости и соизволению Грозного...

Один раз.

Всего один.

Разговоры о больших колесничных ристаниях начались в Городе Слона еще за полгода – и Слепец решил. Он знал, что его учителя (новый наставник Дрона был к тому времени посвящен в тайну) наверняка станут возражать. Потому решил держать все в секрете, раскрыв свой замысел лишь супруге и двоим преданным слугам.

Именно эти слуги и доставили во дворец найденного ими суту. Не местного – последнее было обязательным условием. Как царь, он вполне мог просто приказать оробевшему вознице; но он не приказал.

Он попросил.

И возница оценил жест царя.

Пожилой возница из дальнего городка Чампы в землях ангов, молчаливый человек, спокойно носивший имя Адиратха.

На благородном языке – Первый Колесничий.

Они занимались по ночам (Слепцу было все равно, а сута вскоре привык) на том самом ристалище, где должны были пройти состязания. Раз за разом колесница стремительно выхо-

дила на рубеж поражения цели, звучал гонг, в который с десяти шагов бросал гирику малолетний сын возничего – и раз за разом булава Слепца разносила вдребезги кувшин-мишень.

Изредка он промахивался; и тогда заставлял суту повторять все вновь и вновь, пока промахи не прекратились.

Тогда он попробовал поразить два кувшина подряд.

Затем – три.

А дальше настал день ристаний.

Его сута, оправдав собственное имя, выиграл первый тур; и Слепец в очередной раз порадовался удачному выбору слуг.

Теперь его очередь.

* * *

...все было как всегда – и одновременно по-другому. Рядом грохотали колесницы соперников (Слепец слышал, как они отстают одна за другой), неистово визжали суты, взрывались криками трибуны. В какой-то момент Слепец испугался, что не услышит гонга, что все – зря, что...

Отчаянным усилием он взял себя в руки.

Второй круг.

Третий.

Все. Теперь – выход на дистанцию броска.

Слепец опустил ладони на рукояти метательных булав – и почти сразу ощутил беспокойство. Его ноздри чутко затрепетали, ловя резкий запах конского и человеческого пота; о боги! – от его суты исходил запах страха! Возница видел что-то, чего не мог видеть Слепец; видел, боялся, боялся до одури, и все-таки продолжал гнать упряжку вперед, не сбавляя темпа!

Что случилось?

Но времени на раздумья уже не оставалось. Слева впереди раздался неожиданно смазанный удар гонга – а дальше руки Слепца действовали сами.

Он услышал, как разлетелся на куски первый кувшин, второй... третий!

И звук осыпающихся черепков заглушил радостный, звериный вопль его возницы, в котором слышалось невыразимое облегчение.

Слепец не сознавал, что сам он тоже кричит, что восторг души рвется наружу громовым кличем:

– Победа-а-а!!!

Постепенно замедляя бег, их колесница подъехала к царской ложе и остановилась. Под неистовые овации трибун Слепец медленно стащил с головы глухой шлем.

И почувствовал на себе восхищенный взгляд Деда.

Гангеи Грозного.

– Во здравье победителя, Стойкого Государя из рода Куру, да продлятся его годы вечно, и да не изменит ему вовеки твердость руки!

Восседавший во главе стола победитель ощутил, как чаша в его руке (уже не столь твердой) вновь наполняется. И тяжело вздохнул. Здравияц произносилось множество, а пить он не любил и не умел.

Увы, пиршество было в самом разгаре, и конца-края ему не предвиделось.

Что ж, придется терпеть. Таково бремя славы. Хотел оправдать имя Стойкого Государя – изволь быть стойким!

Слепец в очередной раз вспомнил потрясенное молчание трибун, когда зрители увидели его лицо, лицо слепого – победителя зрячих. И потом: искренние поздравления довольного донельзя Грозного, незлое ворчание наставника Крипы, тоже гордого своим учеником; безмолвное обожание, исходящее от прижавшейся к нему супруги...

Она и сейчас рядом, по левую руку; волна тепла и нежности, нечаянный подарок судьбы.

А по правую руку сидел его сута, тот человек, которому он был обязан нынешней победой.

Вообще-то ни женщинам, ни возницам не полагалось присутствовать на пиршествах царей и знати, но кто осмелился бы перечить сегодняшней воле Слепца?!

– А я в ответ поднимаю эту чашу за моего возницу, чьи руки держали поводья нашего общего триумфа! Отныне он будет всегда вести вперед колесницу Стойкого Государя! Да благословят тебя боги, тебя и твое непревзойденное искусство, о Первый Колесничий! – громко провозгласил Слепец, поворачивая бельмастое лицо к герою здравицы.

Застолье одобрительно зашумело, почтив смущенного возницу очередным возлиянием. Все были уже изрядно навеселе и мало вникали в смысл произносимых здравиц. Предлагают еще за что-то выпить? Отлично! Наливай!

Тем временем Слепец наклонился к сидевшему рядом сута и шепотом поинтересовался:

– Я почувствовал твой испуг перед самым финишем. Что там случилось?

– Я испугался за своего сына, господин. Помнишь, обычно он бросал в гонг гири с десяти шагов?

– Помню, – кивнул Слепец. – Я иногда слышал, где он стоит.

Такое можно услышать только от незрячего: «слышал, где стоит».

Но сута привык.

– А сегодня в самый последний момент стражник поймал его возле мишеней, отобрал гири и прогнал вшаей.

Раскаленная игла пронзила сердце: победы могло и не быть! Из-за бдительного стража, из-за самой мелкой из мелочей...

– Как же ему удалось подать сигнал?

– Он вернулся и в нужное время ударил в гонг колотушкой. Миг промедления – булава господина убила бы его! По счастью, он успел упасть...

Мгновение Слепец потрясенно молчал.

– Я не знал этого, – наконец проговорил он. – Блажен отец сына-героя! Ведь мальчик рисковал жизнью, и не мог не понимать этого! Кстати, где он сейчас?

– В помещении для слуг, мой господин.

Слепец молча снял с левого запястья витой браслет – золотую змею с крупным изумрудом в пасти – и протянул драгоценность изумленному вознице.

– Отдай сыну. Скажи, что я от всей души благодарю его за храбрость. И еще... скажи, что больше всего на свете я хотел бы сейчас увидеть его. Но в этом мне отказано.

– Благодарю тебя, мой господин! Разреши мне отлучиться: я хочу порадовать сына немедленно!

– Иди, – с улыбкой кивнул Слепец.

Ему было приятно, что он сумел доставить радость двум верным людям. Незрячий наследник Лунной династии обладал редким, особенно среди царей, даром: он умел радоваться счастьем ближних.

Может быть, потому, что не так уж часто бывал счастлив сам.

5

ДРАКА

– Ты что здесь делаешь?!

Очень знакомый вопрос. И очень знакомый тон. Надменный, хозяйский. Только голос совсем другой.

Детский.

Поэтому мальчишка обернулся лениво, можно даже сказать, с достоинством. И смерил взглядом того, кто задал ему вопрос, отнюдь не торопясь с ответом.

Измерения оказались не в пользу вопрошавшего: он был на голову ниже и года на два-три младше. Роскошь одежд, крашенных мореной в пурпур, барственный вид и четверка братьев за спиной (сходство было неуловимым, но явным) дела не меняли.

«Шел бы ты, барчук...» – ясно читалось в карих глазах сына Первого Колеснического, чьи кулаки успели снискать ему изрядную славу меж юных драчунов Чампы.

– Отвечай, когда тебя спрашивают, голодранец! – пискляво крикнул самый маленький из пятерки задир, выпячивая цыплячью грудь и стараясь казаться выше ростом.

Получалось слабо.

– Он даже не голодранец, – с ехидством улыбнулся барчук-вожак. – Он просто голый. Фазан ошипанный.

И вся компания буквально покатила со смеху.

– Не голый, а неодетый, – хмуро бросил мальчишка, удивляясь тупости столичных жителей.

Ведь каждому дураку понятно: голый человек – это когда на нем вообще нет одежды. Никакой. Голым нельзя садиться за еду, голым нельзя выходить на улицу, а уж о вознесении молитв и говорить нечего. Зато если обернуть вокруг талии веревочку и пропустить между ног тряпочку, заткнув ее концы спереди и сзади за импровизированный поясик – человек уже считается неодетым. И вполне может вести беседу или вкушать пищу. Срамные места прикрыты? – значит, все в порядке. Ничего позорного или смешного в этом нет: жарко ведь! Попробуй, побегай за козами в одежде по нашей-то духоте! Ну, если, конечно, ты бегаешь за козами, а за тобой бегают слуги с опахалами – тогда другое дело...

Впрочем, слуг с опахалами поблизости не наблюдалось. Юные барчуки явно исхитрились улизнуть из-под надоедливой опеки и отправились на поиски приключений.

Одно приключение, в лице голого-неодетого сына суты, они уже нашли.

В ответ на его заявление братья развеселились еще больше, наперебой вопя о «голых дикарях, которые вместо одежды носят татуировку». Наконец старшему надоело веселиться просто так. И поскольку незнакомый мальчишка плевать хотел на изысканные шуточки, он решил испытать другой подход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.